

© Сайт "Президента РФ"

© <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53151>

Итоговая пленарная сессия XIII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Тема заседания: «Будущее начинается сегодня: контуры завтрашнего мира».
(г. Сочи, 27 октября 2016 года)

Владимир Путин принял участие в итоговой пленарной сессии XIII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Тема заседания в этом году – «Будущее начинается сегодня: контуры завтрашнего мира».

В течение трёх дней более 130 экспертов и политологов из 35 стран мира рассматривали актуальные вопросы развития международных отношений, внутривластного устройства,

экономики, демографии и технологий.

Дискуссии, в частности, были посвящены мерам по смягчению последствий радикальных изменений на политической карте мира и кризиса демократических процедур, обсуждению путей развития отношений России и ЕС, устройства глобального мира через 10 лет.

В работе итоговой сессии также приняли участие бывшие президенты: Финляндии – Тарья Халонен, Австрии – Хайнц Фишер и ЮАР – Табо Мбеки.

* * *

Т.КОЛТОН (как переведено): Добрый день, дамы и господа! Меня зовут Тимоти Колтон. Я знаком со многими присутствующими сегодня здесь. Мне чрезвычайно приятно, что меня попросили выступить модератором этой последней сессии в 2016 году в рамках Валдайского дискуссионного клуба, так мы его называем.

Хотел бы особо приветствовать нашего основного выступающего – это Владимир Владимирович Путин, Президент Российской Федерации. Он нашёл время, чтобы приехать сюда, принять участие. Мы знаем, как он занят. Мы также высоко ценим его готовность отвечать на наши вопросы.

В какой-то момент, когда Вы выйдете на пенсию, господин Президент, и напишете свои мемуары, попытайтесь подумать, сколько времени Вы потратили на ответы и вопросы. Я уверен, Вы будете поражены этим. Мы очень благодарим Вас за это. Спасибо за то, что Вы с нами сегодня.

Позвольте мне также представить других участников сегодняшней сессии. Я представлю их в том порядке, в котором они будут выступать. Прежде всего Тарья Халонен, которая сидит справа от господина Президента. У неё была блестящая карьера, в течение 12 лет она была президентом соседа Российской Федерации – Финляндской Республики, до 2012 года. Затем выступит господин Хайнц Фишер, который сидит слева от Президента Путина. У него также

очень длинная, разнообразная карьера. Совсем недавно он вышел в отставку с поста президента Австрийской Республики, он занимал этот пост с 2004 года до 2016 года. Сейчас в Австрии нет президента, к сожалению, но это уже другая история.

Третий выступающий, я хотел бы представить его, господин Табо Мбеки, ещё один человек с длительной карьерой. С 1999 года по 2008 год он занимал пост президента Южно-Африканской Республики.

Я не думаю, что я должен представлять Андрея Быстрицкого. Он активно участвует в ваших встречах, но он всё-таки коротко остановится на встрече Валдайского клуба здесь. Он возглавляет Совет, занимающийся Валдайским форумом.

Пожалуйста, Андрей, слово Вам.

А.БЫСТРИЦКИЙ: Спасибо большое.

Уважаемый господин Президент! Уважаемые гости и модератор! Уважаемые участники Валдайского форума!

Мы собрались на заключительное пленарное заседание нашей ежегодной большой Валдайской конференции. За три дня работы, как мне представляется, мы проделали большой путь. И, как мне кажется, эта конференция была исключительно интересной. Мы обсуждали, что уже сегодня определяет завтра, наше будущее. В общем, мы сконцентрировались примерно на пяти сферах современной жизни, положение дел в которых, мы видим, это будущее и определяет.

Это международные отношения, это экономика, это демография и миграция, это технологии и общественное устройство. Эти сферы важны по очевидным причинам. От международных отношений в прямом смысле зависят вопросы войны и мира, от экономики – общая возможность развития человечества. Демографические и миграционные проблемы способны поколебать стабильность очень многих стран. А технологии в состоянии изменить все наши представления о том, что возможно и что невозможно в этом мире.

И наконец, внутреннее устройство страны, оно, впрочем, как и всегда, но сейчас в иной форме влияет в том числе и на внешнюю политику этих стран. И, в общем, конференция прояснила много вопросов, впрочем, поставила и много новых. С одной стороны, вроде бы все сошлись на том, что современный мир немислим без международных институтов и международного права, хотя их нынешнее состояние представляется не идеальным и мир нуждается как в развитии, в улучшении уже действующих, а может, и создании чего-то нового и дополнительного.

Естественно, интересно и то, что, обсуждая противоречия, которые естественным образом возникают между крупными мировыми игроками, большинство сошлось на том, что эти противоречия всё же не являются непреодолимыми, что шанс, хотя и не безусловный, преодолеть их и договориться есть. Любопытно, но многие ответили, что при сохранении по-прежнему важной роли США влияние многих государств, прежде всего таких, как Китай, Индия, Россия, растёт, а о Западной Европе так сказать нельзя, при всей экономической мощи в политическом отношении её возможности и активность представляются недостаточными. Более того, возможно, они уменьшаются в сравнении с растущей Азией и Россией.

Обсуждались и те сферы, которые если и зависимы от политики властей, то не прямо, это уже упомянутые технологии и миграции, например. В ходе дискуссии о миграции, которая называлась «Мир после переселения народов», прозвучала мысль о том, что правильнее назвать не «мир после», а «мир до переселения народов», поскольку, возможно, главные миграционные волны и самые главные угрозы ещё впереди.

О технологиях тоже было сказано немало, и хотя сегодня мы понимаем их возрастающую мощь и даже видим отдельные серьёзные последствия, но всё же сколько-нибудь полного понимания о масштабах и влиянии и долгосрочных последствиях у нас нет. Отчасти вследствие этого, мы сегодня об этом говорили, Валдайский клуб совместно с Всероссийским центром изучения общественного мнения попытается с помощью нового, нами разрабатываемого индекса измерить уровень готовности стран к будущему.

Кроме того, чрезвычайно интересными были две специальные сессии: по Ближнему Востоку и по Европе. Высказывались весьма разные точки зрения, подчас полярные.

Также мне кажется, что очень интересно прошли встречи с Игорем Ивановичем Шуваловым, с Вячеславом Викторовичем Володиным, с Сергеем Викторовичем Лавровым, Алексеем Леонидовичем Кудриным. Здесь у нас принимала участие Элла Александровна Памфилова в дискуссиях и многие, многие другие очень известные российские и не только российские учёные, деятели и так далее.

В общем, конечно, рассказать в три минуты о том, что было в три дня, невозможно. Но мы, как всегда, подготовим доклад по итогам Валдайского клуба и, естественно, представим его вашему взыскательному вниманию.

Спасибо большое.

Т.КОЛТОН: Очень хорошо.

А теперь давайте перейдём к делам. У нас потрясающая тема: как вы видите эту философию международного развития в интересах нового мира? И это вызывает в памяти серьёзные вопросы, которые, на мой взгляд, могут дать нам возможность двигаться в разных направлениях, послушать разнообразные комментарии, различные точки зрения.

Философия – это очень требовательное слово, однако, когда речь идёт о международном развитии, я думаю, что это подходящее слово. Вчера я провёл поиск Google и использовал слова «международное развитие», «философия». Результатов было 13 миллионов. Так что очень много слов потрачено на описание этой темы. Однако она настолько сложна, настолько многоаспектна, что есть элементы, заслуживающие дополнительного исследования, в особенности в свете того, что мы видим в интернете, в газетах, где заголовки в основном касаются вопросов конфликтов, безопасности и так далее.

Так что очень просто забыть о повестке дня в области развития, а она между тем очень масштабна, она преобразует наш мир. Удивительно, каким образом эти компоненты складываются воедино, как они отражаются на нашей парадигме развития. Если раньше это был вашингтонский консенсус, сейчас он подвергается нападкам со всех сторон.

Очень удивительно смотреть на то, что происходит с официальной помощью развитию, это особый компонент развития. Совсем недавно такая помощь в основном доминировала ограниченным числом стран, это богатые страны, которые имеют развитую промышленную

систему и выделяли основную часть помощи. Сейчас же появились новые доноры, которые ранее были реципиентами помощи.

Такие, например, как страны БРИКС, в том числе Южная Африка, Южная Корея, Саудовская Аравия, Турция, Венесуэла, Чили, Таиланд. Усложняется ситуация ещё и тем, что многие из этих доноров новых по-прежнему остаются и реципиентами помощи, то есть категория получателя помощи и выделителя её несколько размыта.

А сейчас я передаю слово Президенту Путину. Пожалуйста.

* * *

В.ПУТИН: Уважаемые Тарья, Хайнц, Табо! Уважаемые коллеги, дамы и господа!

Я тоже очень рад нашей новой встрече. И хочу прежде всего поблагодарить российских и зарубежных участников Международного клуба «Валдай» за содержательное участие в его работе, а наших уважаемых гостей – за готовность принять участие в открытой дискуссии.

Наш уважаемый модератор пожелал мне благополучно выйти на пенсию, я тоже себе этого желаю, когда время придёт, это очень правильно, это нужно сделать. Но пока я ещё не на пенсии, действующий руководитель большой державы, я должен быть сдержанным, не проявлять в своих выражениях излишней агрессивности. Собственно говоря, я и не думаю, что это мой стиль.

Тем не менее полагаю, что особенно в этой аудитории мы должны быть откровенны друг с другом, должны вести открытую дискуссию, иначе она не имеет смысла, она будет постной и абсолютно неинтересной.

Такой стиль нашего общения, действительно, на мой взгляд, сегодня чрезвычайно востребован, потому что на фоне масштабных перемен, которые происходят на планете, тема нынешнего заседания «Валдая» – «Будущее начинается сегодня: контуры завтрашнего мира» – звучит очень актуально.

В прошлом году в рамках Валдайского форума мы говорили о неустроенности миропорядка. К сожалению, за прошедшие месяцы к лучшему мало что изменилось, если быть откровенным – ничего к лучшему не изменилось.

Противоречия, связанные с перераспределением экономической мощи и политического влияния, только нарастают, груз взаимного недоверия сужает наши возможности для того, чтобы эффективно отвечать на стоящие перед мировым сообществом реальные вызовы и реальные угрозы. По сути в кризисе оказался сам проект глобализации, а в Европе говорят уже – мы это хорошо знаем, слышим – о несостоятельности мультикультурализма.

Считаю, что такая ситуация – во многом следствие ошибочного, поспешного, а в чём-то и самоуверенного выбора, сделанного элитами некоторых государств четверть века назад. Тогда, на рубеже 80 – 90-х годов, был шанс не просто ускорить процессы глобализации, а придать им качественно иной, гармоничный, устойчивый характер.

Однако, посчитав себя победителями в «холодной войне», – не посчитав, а мы слышали, прямо рассуждая об этом, некоторые страны предпочли просто начать «перелицовывать» мировой политический и экономический порядок под себя, под свои интересы.

Находясь в явной эйфории, они по сути отказались от содержательного, равноправного диалога с другими участниками международной жизни, предпочли не создавать и совершенствовать универсальные институты, а попытались распространить на весь мир действие своих собственных структур, норм и правил, пошли по пути глобализации и безопасности «для себя, любимых», для избранных, а не для всех. Оказалось, что далеко не все с этим согласны.

Что греха таить, мы с вами прекрасно знаем и понимаем: многие были не согласны, но кто-то уже не мог этому противостоять, а кто-то ещё не был к этому готов. Но в результате, тем не менее, систему международных отношений лихорадит, глобальная экономика не может выйти из системного кризиса. При этом принципы и правила – как в политике, так и в экономике – постоянно перетасовываются, зачастую выворачивается наизнанку то, что совсем недавно считалось истиной, возводилось в догму.

Если сегодня «сильным мира сего» выгодны какие-то стандарты или нормы, они заставляют подчиняться им и всех остальных. Но если завтра такие стандарты начинают мешать, их немедленно отправляют «в корзину», объявляют устаревшими и устанавливают новые правила или пытаются это сделать.

Так было принято решение о нанесении ракетно-бомбовых ударов в центре Европы, по Белграду; по Ираку, затем по Ливии. Да и, собственно говоря, в Афганистане операция началась без соответствующего решения Совета Безопасности Организации Объединённых Наций. Стремясь изменить в свою пользу стратегический баланс, сломали и международно-правовой режим, запрещавший развёртывание новых систем противоракетной обороны. Создали и накачали оружием террористические группировки, жестокость которых толкает миллионы мирных людей к бегству, переселению, миграции, а целые регионы ввергает в хаос.

Мы видим, как жертвуют свободой торговли и используют так называемые санкции для политического давления, в обход Всемирной торговой организации пытаются формировать закрытые экономические альянсы с жёсткими правилами и барьерами, где главные выгодоприобретатели – свои транснациональные корпорации. Почему это происходит, мы тоже знаем: не удаётся решить в рамках ВТО накопившиеся проблемы, значит, в стороночку отодвинем все эти правила и саму организацию и создадим новую. Это именно то, о чём я только что сказал.

При этом мы не видим желания некоторых наших партнёров решать реальные международные проблемы. В созданных ещё во время «холодной войны» и явно переживших свой век структурах, таких, например, как НАТО, несмотря на все разговоры о необходимости адаптации к новым условиям никакой реальной адаптации к новым условиям не происходит. А такой важный механизм обеспечения общеевропейской, да и трансатлантической безопасности, как ОБСЕ, постоянно пытаются превратить в инструмент обслуживания чьих-то внешнеполитических интересов. И в результате этот важнейший инструмент работает вхолостую.

При этом постоянно штампуются угрозы – вымышленные, мифические, вроде пресловутой «российской военной угрозы». Действительно, это прибыльное занятие: можно новые военные бюджеты выбивать в своих собственных странах, нагибать союзников под интересы

одной сверхдержавы, расширить НАТО, приблизить инфраструктуру альянса, боевые подразделения, новую технику к нашим границам.

Конечно, очень приятно, подчас и выгодно, выдавать себя за защитников цивилизации от каких-то новых варваров. Однако дело в том, что Россия-то ни на кого нападать не собирается. Да и смешно это: я ведь тоже читаю и ваши аналитические материалы, не только присутствующих здесь в зале, но и аналитиков из тех же Соединённых Штатов, из Европы.

Немыслимо просто, глупо и нереалистично. В одной Европе – 300 миллионов, все члены НАТО; с США общая численность населения – 600 миллионов человек, наверно. В России 146 миллионов всего сейчас. Просто смешно даже об этом говорить. Нет, это всё равно используется для достижения своих политических целей.

К числу мифических, придуманных проблем относится и развёрнутая в США истерия, по-другому не могу сказать, по поводу влияния России на ход нынешних выборов американского Президента. Казалось бы, в Америке действительно множество острых, действительно насущных проблем – от колоссального государственного долга до роста насилия с применением огнестрельного оружия и фактов полицейского произвола.

И, наверное, в ходе выборов разговор должен был бы идти именно об этом, о других нерешённых проблемах. Но, видимо, сказать элите особенно нечего, нечем общество успокоить. Поэтому куда проще отвлечь внимание людей на российских так называемых хакеров, шпионов, агентов влияния и так далее, и тому подобное.

Хочу задаться вопросом и вам этот вопрос задать: неужели кто-то всерьёз думает, что Россия может как-то повлиять на выбор американского народа? Америка – это какая-то «банановая страна», что ли? Америка – это великая держава. Если я не прав, поправьте меня, пожалуйста.

Возникает вопрос: если дальше всё будет развиваться в таком русле, что ждёт мир? Каким он будет завтра? Есть ли ответы на вопросы, как обеспечить стабильность, безопасность, устойчивость экономического роста? Как повысить благосостояние людей?

Как это ни печально признать, никакого консенсуса на этот счёт в мире нет. Не знаю, может быть, в ходе состоявшихся дискуссий вы пришли к такому общему выводу, мне было бы, конечно, интересно об этом услышать. Но существует, совершенно точно, дефицит стратегии и идеологии будущего. Это создаёт атмосферу неуверенности, которая прямо влияет на общественные настроения.

Социологические исследования, проводимые по всей планете, показывают, что жителям разных стран и континентов будущее, к огромному нашему сожалению, чаще всего кажется смутным и мрачным. Будущее не зовёт, оно пугает. При этом люди не видят реальных возможностей и механизмов что-либо изменить, как-то повлиять на ход событий, на выбор политики.

Да, формально все атрибуты демократии в современных странах налицо: выборы, свобода слова, доступ к информации, право выражать своё мнение. Однако даже в так называемых развитых демократиях у большинства граждан нет реального влияния на политические процессы, нет прямого, реального влияния на власть.

Граждане чувствуют, что их интересы и представления элит о единственно правильном курсе, который эти элиты выбирают, всё чаще и больше расходятся между собой. Как следствие –

референдумы, выборы всё чаще преподносят сюрпризы, сюрпризы для власти. Люди голосуют совсем не так, как им советовали официальные, уважаемые средства массовой информации, и не так, как это рекомендуют так называемые системные партии. А общественные движения, которые ещё совсем недавно считались слишком «левыми» или слишком «правыми», выходят на авансцену, оттесняя политических тяжеловесов.

Сперва такие неудобные результаты поспешили объявить некоей аномалией, случайностью. Когда они стали повторяться, заговорили о том, что общество не понимает тех, кто находится на олимпе власти, не доросло до того, чтобы оценить устремления властных структур, заботу о народном благе, а то и вовсе доходят до истерики, мол, это следствие зарубежной, как правило, российской пропаганды.

Я вам скажу, уважаемые друзья и коллеги, хотелось бы мне иметь такую пропагандистскую машину в России, но это, к сожалению, не так. У нас нет таких глобальных средств массовой информации, как CNN, BBC и некоторые другие, у нас таких возможностей пока нет.

Что касается тезиса о торжестве маргиналов, популистов над здравомыслящим, трезвым, ответственным меньшинством, то дело, конечно, и не в популистах и иже с ними, а дело в том, что простые люди, рядовые граждане перестают доверять правящему классу, вот в чём проблема.

Кстати, политическая повестка и так уже выхолощена, выборы перестают быть инструментом перемен, а сводятся к скандалам, обсуждению компроматов. Простите меня, к обсуждению того, кто кого за что ущипнул, кто с кем спит. Это просто переходит всякие границы. Да и, честно говоря, если посмотреть на программы различных кандидатов, то такое впечатление, что они вообще скроены по одним и тем же лекалам, разница-то небольшая или её вообще, по сути, нет.

Элита словно не замечает углубляющегося расслоения в обществе и размывания среднего класса, и при этом насаждают идеологические модели, которые, на мой взгляд, разрушают культурную, национальную идентичность. А в некоторых случаях, в некоторых странах и жертвуют национальными интересами, отказываются от суверенитета в обмен на благосклонность сюзерена.

Резонно возникает вопрос: так кто же, в самом деле, маргинален? Расширяющийся класс наднациональной олигархии и бюрократии, часто фактически не избираемый и не контролируемый обществом, или большинство граждан, которое хочет, в общем-то, простых и понятных вещей: стабильности, свободного развития своих стран, жизненных перспектив для себя и своих детей, сохранения своего культурного лица, а главное, элементарной безопасности для себя и своих близких.

Так, люди откровенно напуганы тем, что на их глазах терроризм из какой-то далёкой угрозы стал повседневностью, что теракт может произойти буквально рядом, на соседней улице, если не на собственной улице, а орудием массового убийства способно стать любое подручное средство: от изготовленной кустарным способом взрывчатки до обычного грузовика.

Более того, теракты последних лет в Бостоне, других американских городах, в Париже, Брюсселе, Ницце, в городах ФРГ, да, к сожалению, в нашей стране, показывают, что террористам уже не нужны ни ячейки, ни организационные структуры, они могут

действовать и в одиночку, автономно, достаточно лишь идеологически их мотивировать и направить на врага, на нас с вами.

На примере террористической опасности со всей очевидностью проявляется неспособность оценить характер, причины возникновения нарастания угроз. Мы видим это по тому, как развивается ситуация в Сирии. Остановить кровопролитие и запустить политический процесс не удаётся. Казалось бы, после долгих переговоров, огромных усилий и сложных компромиссов наконец начал формироваться единый фронт борьбы с терроризмом.

Однако этого не произошло, он фактически не создан. Не сработали и наши личные договорённости с Президентом Соединённых Штатов, в Вашингтоне нашлись силы, которые сделали всё, чтобы эти договорённости не были реализованы на практике. Всё это демонстрирует необъяснимое, я бы сказал, иррациональное стремление западных стран раз за разом повторять свои ошибки, как у нас в народе говорят, наступать на одни и те же грабли.

Все мы видим, что происходит в том же Афганистане, Ираке, Ливии, ряде других стран. Я задаюсь вопросом: где результаты борьбы с терроризмом и экстремизмом? По большому счёту, в глобальном масштабе, регионально где-то, в отдельных местах результаты есть, но глобально результатов борьбы с терроризмом нет, а угрозы только нарастают.

Мы все помним эйфорию некоторых столиц по поводу так называемой «арабской весны». Где сегодня эти бравурные марши? А призывы России к совместной борьбе с террористами игнорируются. Более того, террористические группировки продолжают вооружать, снабжать, обучать в надежде использовать их, как и прежде, для достижения своих политических целей. Это очень опасная игра, и хочу ещё раз обратиться к подобным игрокам: в данном случае экстремисты хитрее, умнее и сильнее вас, и, заигрывая с ними, вы всегда будете проигрывать.

Уважаемые участники форума! Очевидно, что сейчас мировому сообществу важно сосредоточиться на действительно реальных проблемах, стоящих перед всем человечеством, решение которых позволит сделать мир и безопасным, и стабильным, а систему международных отношений равноправной и справедливой. И, как уже говорил, в конечном счёте превратить глобализацию из глобализации для избранных в глобализацию для всех. Убеждён, любые вызовы и угрозы можно преодолеть только сообща, на прочной основе международного права и Устава Организации Объединённых Наций.

Сегодня именно ООН продолжает оставаться структурой, которой нет равных по представительности и универсальности, уникальной площадкой для равноправного диалога. Универсальные правила ООН необходимы, чтобы включить как можно большее число стран в процесс экономической и гуманитарной интеграции, гарантировать их политическую ответственность и обеспечить согласованность действий, разумеется, при сохранении суверенитета и своей модели развития.

У нас нет сомнения, суверенитет – это центральное понятие всей системы международных отношений. Его уважение, укрепление – это залог мира, стабильности и на национальном, и на международном уровне. Стран, которые, как Россия, могут опереться на тысячелетнюю историю, в мире немало, и мы научились ценить свою идентичность, свободу и независимость. При этом мы не стремимся ни к глобальному доминированию, ни к экспансии какой-то, ни к конфронтации с кем бы то ни было.

В нашем понимании настоящее лидерство сегодня заключается не в том, чтобы выдумывать эфемерные угрозы и, спекулируя на них, пытаться подмять под себя остальных, а в том, чтобы видеть реальные проблемы, содействовать объединению усилий государств в их решении. И именно так Россия понимает сегодня свою роль в мировых делах.

Приоритеты, без которых благополучное будущее нашей общей планеты немислимо, абсолютно очевидны. Не скажу ничего нового. Прежде всего это равная и неделимая безопасность для всех государств. Только прекратив вооружённые конфликты и обеспечив мирное развитие всех стран, мы сможем говорить об экономическом прогрессе, решении социальных, гуманитарных и других ключевых проблем. Важно на деле бороться с терроризмом и экстремизмом. Уже не раз говорилось о том, что победить это зло можно, только объединив усилия всех государств мира. Россия предлагала и предлагает до сих пор это всем заинтересованным нашим партнёрам.

Необходимо поставить в международную повестку и вопрос о восстановлении прочной государственности, экономики и социальной сферы стран Ближнего Востока. Колоссальный масштаб разрушений требует сегодня выработки долгосрочной и комплексной программы, если хотите, своего рода «план Маршалла» для возрождения этого истерзанного войнами и конфликтами региона. И Россия, конечно, готова принять активное участие в такой совместной работе.

Мир нельзя сделать стабильным, если не обеспечить поступательное развитие глобальной экономики. Важно создать условия для созидательного труда и экономического роста, обеспечить темпы экономического роста так, чтобы мир не был больше разделён на вечно проигрывающих и вечно выигрывающих. Правила игры должны быть такими, чтобы развивающиеся экономики имели шанс хотя бы догнать тех, кого мы называем экономиками развитыми. Нужно добиваться выравнивания темпов экономического развития, подтягивать отстающие страны и регионы, чтобы плоды экономического роста и технологического развития были доступны всем, в том числе это позволит победить одну из самых тяжелейших проблем современности – бедность.

Абсолютно очевидно и то, что экономическое сотрудничество должно быть взаимовыгодным и базироваться на всеобщих универсальных принципах, чтобы каждое государство могло стать равноправным участником мировой хозяйственной жизни. Да, в среднесрочной перспективе тенденция на регионализацию мировой экономики, видимо, продолжится, но региональные торговые соглашения должны дополнять, развивать, а не подменять универсальные нормы и правила.

Россия выступает за гармонизацию региональных экономических форматов на основе принципов прозрачности и уважения интересов друг друга. Именно так мы выстраиваем деятельность Евразийского экономического союза, ведём переговоры с нашими партнёрами, в том числе о сопряжении с реализуемым Китаем проектом «Экономического пояса Шёлкового пути». Рассчитываем, что это позволит создать большое Евразийское партнёрство, которое в перспективе может превратиться и в один из центров формирования в Евразии широкого интеграционного контура. Для воплощения этой идеи уже начаты переговоры в формате «пять плюс один» по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между всеми участниками этого процесса.

Важная задача – это развитие человеческого потенциала. Только мир с широкими возможностями для всех, с высококвалифицированными работниками, доступными знаниями, богатством путей самореализации может считаться по-настоящему свободным. Только мир, в котором люди разных стран живут полноценной жизнью, а не борются за выживание, может быть стабильным.

Достойное будущее невозможно без заботы об экологии, конечно, и решения климатических проблем. Поэтому сохранение природного богатства и его многообразия, снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду в ближайшие десятилетия станут всё более значимым делом.

Не менее важна и задача глобальной охраны здоровья. Безусловно, здесь немало проблем с масштабными эпидемиями, снижением смертности в ряде регионов мира и множество, множество других. Здесь же огромное поле для развития, конечно. Дать жителям планеты, причём всем опять же, а не избранным, возможность по-настоящему здоровой, долгой, полноценной жизни – это очень благородная цель. Словом, фундамент для будущего мира нужно, безусловно, искать уже сегодня, вкладывая средства во все приоритетные направления развития человечества. И конечно, важно, чтобы контуры нашего общего будущего широко обсуждались, чтобы все здравые, перспективные предложения были услышаны.

Уважаемые коллеги, дамы и господа! Не сомневаюсь, что в этой работе вы – члены Валдайского клуба – примете самое активное участие. Ваш высокий экспертный потенциал, уровень позволяет всесторонне оценить процессы, происходящие и в России у нас, и в мире, увидеть, спрогнозировать развитие долгосрочных тенденций, дать им оценки, идеи подтолкнуть новые и рекомендации предоставить, которые помогут нам найти путь к более благополучному и более стабильному будущему, в котором мы все так нуждаемся.

Спасибо вам большое за внимание!

* * *

Т.КОЛТОН: Спасибо большое, господин Путин.

А сейчас хотел бы предоставить слово госпоже Халонен. Она так же, как я понимаю, выступит от трибуны.

Т.ХАЛОНЕН (как переведено): Господин Президент! Ваши превосходительства! Дамы и господа! Уважаемые участники!

Большое спасибо за организацию Валдайского клуба, спасибо, что пригласили меня поучаствовать в этих обсуждениях. Тема очень интересная, своевременная, как было уже отмечено. И мы видим новую динамику, которая влияет на всех нас, на глобальный мировой порядок, на региональные дела. Я очень рада тому, что мои коллеги, мои хорошие друзья – бывший президент Австрийской Республики господин Фишер, а также господин Путин – со мной сегодня разделяют трибуну. Мы сотрудничали на протяжении последних десятилетий вместе, и мы разделяем многие идеи о том, как мы бы хотели, чтобы мир развивался в будущем. Поэтому я думаю, что обсуждения будут очень открытыми, откровенными.

Философия международного развития для нового мира используется в заголовке наших обсуждений, и она напоминает мне о тех годах Горбачёва, говорившего о новом мировом порядке. Новый мировой порядок произошёл частично, как предусматривалось, а частично не

так, как предусматривалось. И я не уверена, можем ли мы говорить действительно о порядке. Конечно же, мы приветствуем оптимизм, мы многого добились, мир действительно изменился. Тем не менее, думаю, не все понимают, что мир будет состоять из многих игроков. И что это значит, когда у нас так много игроков одновременно?

Коллективные глобальные действия сталкиваются со многими сложностями, в частности в сфере глобальной политики безопасности. Таким образом, люди говорят, что изменения всегда представляют собой возможность. Но сегодня, несмотря на усилия, направленные на стабилизацию международных отношений, глобальной экономики и благосостояния, как уже сказал Президент Путин, у нас есть проблема того, как справляться с кризисами.

И действительно, очень много вызовов и проблем стоит перед нами. Что же я наблюдала во время участия в различных форумах за последние годы, особенно во время своего президентства? Люди всегда говорят, что этот мир – это мир полной неопределённости. Это действительно так. Люди чувствуют каждый день, что они очень сомневаются в будущем, и иногда это очень парадоксально, поскольку мы настолько продвинулись вперёд.

В любом случае это мир, в котором мы живём, мир, в котором нам нужно строить фундамент для устойчивого будущего, и если мы будем ждать, лучше не станет, и мы должны быть в состоянии работать на различных фронтах. И хотя, к сожалению, конфликты по-прежнему имеют место и становятся всё более гибридными по своей природе, нам нужно понимать, что представляет собой устойчивое развитие. Возможно, нам уже известно, каким может быть порядок в будущем. Конечно, СМИ всегда заинтересованы в освещении конфликтов, но хочу рассказать вам о том, что будет в будущем.

Повестка, принятая Организацией Объединённых Наций в сентябре 2015 года до 2030 года, представляет собой мощную основу для дальнейшей работы. И именно Организация Объединённых Наций объединила все крупные державы, основных игроков, и мы добились успеха. Мне очень приятно сознавать, что борьба с нищетой и неравенством является центральным элементом этой повестки дня, в особенности неравенство гендерное.

С момента саммита в Рио, думаю, что мы все заявили о том, что мы слишком сильно используем свои природные ресурсы. Однако, к сожалению, мы недостаточно использовали человеческий потенциал, в особенности потенциал женщин, бедного населения, а также молодых людей. И когда я смотрю на этот зал, я вижу, что многое уже меняется.

Очень серьёзная политическая воля была проявлена в 2015 году. Однако сейчас необходимо сдерживать сделанные обещания, лидеры должны будут сделать то, что они взяли на себя в качестве ответственности. У нас есть ресурсы, у нас есть необходимые научные знания. Стоит вопрос о политической воле. Во-первых, это морально необходимо и абсолютно нужно. Более того, речь идёт о создании интеллектуальной экономики, о правильном, умном выборе, и я уверена, что мы сможем добиться успеха.

Организация Объединённых Наций традиционно базировалась на трёх основах. Во-первых, на безопасности, правах человека и развитии. Что касается развития и прав человека, мне кажется, что удалось на историческом отрезке добиться серьёзного успеха. К сожалению, конфликты по-прежнему очень ожесточённые, полны насилия, они стали куда сильнее и куда более многочисленными, нежели мы надеялись бы. Однако, как я сказала, к несчастью, не закончился период катастроф и проблем.

Традиционные угрозы, может быть, становятся реже, однако вооружённые конфликты поражают многие страны. Гражданское общество, женщины и дети являются целью таких конфликтов, к сожалению. Я считаю, что это трагедия. Я работала с организациями системы ООН, с различными группами для того, чтобы способствовать благополучию, здоровью, безопасности женщин и детей. Ужасно видеть то, что происходит в Сирии, в Йемене, во многих других местах.

Однако давайте посмотрим на картину ещё с другой стороны. Очень грустно, мы видим, что военная сила, которая используется, может быть слишком сильной. И я должна сказать, что порой нам приходится пользоваться военной силой для того, чтобы положить конец насилию. Но каким образом? Мы не можем принять, чтобы люди страдали, гражданское население страдало, в особенности дети.

Более того, мы знаем, что в рамках глобализации всем хорошо известно, что происходит по всему миру. Так что мы в качестве населения реагируем на то, что происходит в других частях мира. Люди понимают, что справедливо, что хорошо, а что нет. И то, что хорошо, должно получать от нас поддержку. Такова основа моей философии.

Позвольте привести только один пример для того, чтобы завершить своё выступление. Я из Финляндии, из Хельсинки, из рабочего класса. В моей церкви 24 октября очень долго звонят колокола для того, чтобы помянуть жертв среди гражданского населения в Алеппо. Это гуманитарное движение распространилось по всей территории Финляндии, а сейчас перекинулось и на другие страны.

Церкви в Финляндии также стали прибежищем для тех, кто не получил статус беженца, но кто нуждается. Как вы видите, люди прекрасно понимают, что правильно, а что нет во многих странах, и они все говорят, что необходимо положить конец насилию в Сирии, Йемене, других местах. Они говорят о том, что мы должны быть больше людьми, более человечными по отношению друг к другу.

Господин Президент, господин Путин! Я была обеспокоена Вашим выступлением, потому что Вы нарисовали такую мрачную картину будущего, однако в конце Вы сказали, что есть всё-таки проблеск надежды и есть воля к сотрудничеству. И хочу сказать, даже когда самые обычные люди, рядовые граждане, которые живут в серьёзных, стеснённых условиях, они все хотят, чтобы у них была надежда в будущем. Нам необходимо работать вместе для того, чтобы эта надежда воплотилась в жизнь. И мне очень приятно будет продолжать дискуссию.

Спасибо Вам!

* * *

Т.КОЛТОН: Спасибо. Я благодарю Вас. А сейчас слово предоставляется господину Хайнцу Фишеру.

Х.ФИШЕР (как переведено): Господин Президент! Уважаемая аудитория! Ваши превосходительства! Дамы и господа!

Прежде всего хотел бы поблагодарить организаторов этой встречи за направленное нам приглашение принять участие в Валдайской конференции, которая посвящена обмену мнениями о проблемах, о шансах, изменениях в международных отношениях. В частности, она посвящена вопросу о будущем международных отношений.

На мой взгляд, каждый желает знать, насколько это только возможно, каково будет будущее – будущее отдельно взятой личности, политическое будущее, экономическое будущее и так далее. Однако никогда не может быть удовлетворительного ответа на этот вопрос, потому что будущее – это не только результат воли человека, его личности, это также ещё и продукт объективных факторов. Но этого недостаточно, это очень сложная смесь двух этих компонентов, двух элементов. Есть множество философских течений, которые пытаются объяснить соотношения в этой смеси. Есть много интереснейших книг, в которых выражается различный подход к тому, как мы должны смотреть на будущее. Есть два основных направления мысли.

Во-первых, некоторые считают, что в начале цивилизации, на заре, был золотой век, рай, а затем люди из-за своих грехов пали. И они всё падали и падали, это падение продолжалось на протяжении истории. Согласно другому подходу говорится, что сперва существовал хаос, все воевали против всех, право сильного господствовало, насилие царствовало. Затем сложилось рабовладельческое общество, феодальное общество, наконец, капиталистическое общество, и в конце концов настал последний этап, когда причины антагонизма, насилия остались позади. Мне кажется, что ни тот, ни другой подход не подходит нам.

Сам я родился ещё до Второй мировой войны. Я помню о последних днях этой войны, помню, в частности, о сложных, но многообещающих временах восстановления после войны. Проблеском надежды, положительной чертой послевоенного времени нашей эры было подписание в 1955 году Соглашения о восстановлении суверенного Австрийского государства. И говорилось тогда в этом договоре о выводе иностранных войск из нашей страны. Мы считали, что этот момент положит начало положительному периоду успеха не только для Австрии, но и для всей Западной Европы.

Однако, к сожалению, одна тень нависла над этим положительным развитием. А именно, разделение Европы в ходе «холодной войны», а также возникла угроза «горячей войны». На излёте 90-х годов пропало разделение Европы, которое было главной причиной напряжённости. В тот момент казалось, что будущее будет светлым, что международные отношения будут развиваться хорошо и поступательно. Однако вновь развитие пошло по другому направлению, надежды, чаяния не оправдались.

Можно даже сказать, что те возможности, которые возникли в тот момент, не были задействованы полностью. Вновь было продемонстрировано, что история, как я только что сказал, не представляет собой линейный процесс, она развивается волнами, она качается от прогресса к регрессу, есть положительные изменения, есть отрицательные изменения. Конечно, прогресс – разница от континента к континенту, вне зависимости от глобализации.

Хотел бы сконцентрировать своё внимание на Европе и на соседнем регионе. Я по-прежнему убеждён, что проект европейского сотрудничества, который был закреплён в виде идей, лежащих в основе Европейского союза, по-прежнему необходим, это такое предприятие, которое нам нужно. Более того, европейское сотрудничество будет оставаться важной целью, важным стратегическим элементом в обозримом будущем.

Отчасти это объясняется тем, что, как мы слышали на протяжении многих дискуссий, Европейский союз отчасти лишился слаженности и своей привлекательности. Объясняется это недостаточным уровнем финансовой и экономической координации. Существуют различные интересы между государствами-членами, эти интересы всё более и более

проявляются, возникают проблемы, европейская солидарность не работает так, как она должна работать.

Я должен упомянуть проблему беженцев. Европейский союз на фоне этой проблемы продемонстрировал отчасти свою несостоятельность и отсутствие солидарности. Отношения между ЕС и Российской Федерацией также развивались не так, как мы на то надеялись 25 лет назад. Я знаю аргументы, приводимые обеими сторонами относительно того, кто или что ответственны за такое развитие событий. Однако сейчас мы говорим ведь не о прошлом, мы говорим о будущем. И та, и другая сторона должны продемонстрировать, что они осознают важность отношений друг с другом. Европейский союз, в частности, не должен упускать из виду тот факт, что на протяжении последнего века развивались отношения между Европой и Россией, и что Москва иначе смотрит на развитие НАТО, и точка зрения Москвы отличается от брюссельской или Вашингтонской.

Россия же должна принимать к сведению, она должна учитывать то, что некоторые действия, связанные с использованием военной силы, не соответствуют международному праву, они вызывают раздражение европейской публики и отражаются на политике ЕС. В частности, последний пример тому – Крым.

Алеппо – это символ того, каким образом сложно провести грань между борьбой с террористами, с одной стороны, и бомбардировками ни в чём неповинного населения. Я очень внимательно сегодня утром слушал дискуссию. Есть очень много проблем, которые сопряжены с этим процессом. Война в Сирии длится уже дольше, нежели Первая мировая война, и длится дольше, нежели вторжение Гитлера в Советский Союз во время Второй мировой войны.

Это ужасная война уже унесла сотни тысяч человеческих жизней, и она привела к ухудшению отношений между теми странами, которые даже не имеют общей границы с Сирией. Доверие было подорвано. Более того, этот процесс сопряжён с всплеском терроризма. Более того, терроризм порождает страх, страх порождает агрессию, а агрессия ведёт к возникновению фанатизма, с одной стороны, жёсткого национализма, что ставит под угрозу мир и свободу.

То же самое, пусть и несколько в другом масштабе, мы наблюдаем на примере палестино-израильского конфликта. Кажется, что решение этого конфликта как никогда далеко. Совсем недавно я присутствовал на похоронах Шимона Переса в Иерусалиме. Даже в слове на этих похоронах говорилось о том, что мир должен быть достигнут. Шимон часто говорил: «Невозможно Израилю безопасно существовать без мира». Нынешнее же правительство Израиля концентрируется не на мире, а на безопасности. Они утверждают, что без безопасности не может быть мира. Однако безопасность не может пользоваться приоритетом перед миром, и тот и другой фактор, и то и другое условие должны быть воплощены в жизнь одновременно.

Дамы и господа, можно задаться вопросом: есть ли какие-то положительные аспекты, есть ли какие-то положительные возможности, таящиеся в будущем? Ответ – да. Соглашение между «пятёркой» и «пять плюс один» в формате с Ираном по иранской ядерной программе – это хороший пример успеха.

Ещё один пример успеха – это успешное подписание Парижского соглашения по изменению климата. Это первый положительный шаг, хотя многое ещё предстоит сделать для того, чтобы

решить эту проблему в целом. Европейская интеграция как таковая, даже невзирая на ряд негативных тенденций, которых я только что коснулся, невзирая на решения, даже нерешительность в целом представляет собой историю успеха.

Я также возлагаю большие надежды на работу Организации Объединённых Наций. Очень часто ООН попадает под град критики, их обвиняют в бессилии, тем не менее ООН по-прежнему остаётся важнейшим игроком в международных отношениях, а также нравственным авторитетом. Цели развития тысячелетия сыграли ключевую роль в сокращении крайней нищеты почти на 50 процентов. С тех пор удалось добиться снижения материнской смертности, детской смертности на 45 процентов и на 50 процентов соответственно. Была принята новая повестка дня – развитие до 2030 года. В рамках этой повестки дня поставлены цели – продолжить этот прогресс, были сформулированы реалистичные, важные цели.

Дамы и господа! Даже несмотря на то, что невозможно в количественных показателях измерить развитие демократии, я убеждён, что демократия в качестве политической системы, ограничивающей власть тех, кто находится у кормила, наблюдается. Более того, мирный переход к демократии будет становиться всё более и более распространённым. То же самое касается прав человека, а также растущего уважения к правам человека.

Всё шире и шире наблюдается признание этого показателя в качестве показателя эффективного управления. Более того, я считаю, что демократия должна сыграть важную роль в наших обсуждениях о том, каким должно быть будущее. Это, в частности, касается следующего факта, это моё мнение. Демократическая система, а также готовность к миру, к избеганию войны в некотором смысле переплетены, взаимосвязаны.

Уважаемые гости! В футболе следующий матч всегда становится самым важным. Во внутренней политике следующие выборы всегда самые важные, а в международных отношениях следующие 10 лет – это самое важное время, а также самое сложное время одновременно. Однако кое-что совершенно ясно, несомненно, история не носит линейного характера. Но поскольку историю творит человечество, мы несём на своих плечах ответственность за то, каким образом история будет развиваться на протяжении следующего десятилетия. Вот почему. Речь идёт о нашей коллективной ответственности. Мы должны поддерживать мир, пользоваться теми возможностями, которые нам предоставляются. Мы должны учиться на прошлых ошибках, а также стремиться к положительному развитию в будущем.

Я благодарю Вас за внимание.

* * *

Т.КОЛТОН: Спасибо, господин Фишер. Господин Мбеки.

Т.МБЕКИ (как переведено): Большое спасибо, господин модератор!

Как и мои коллеги, хочу поблагодарить Валдайский дискуссионный клуб за приглашение поучаствовать.

Ваше превосходительство господин Президент Путин! Уважаемые панелисты! Уважаемые делегаты!

Я хотел бы верить в то, что вы поймёте, почему сегодня я выступаю перед вами, для того чтобы представить никем не санкционированное мнение Африканского континента о вопросах нашей повестки дня. Думаю, что все из нас вспомнят о Декларации тысячелетия ООН, которая была принята в 2000 году, где говорилось о целях развития тысячелетия, а также содержались глобальные обязательства, в частности, я цитирую: «Обеспечить специфические нужды Африки». И затем, в 2002 году, в сентябре, Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию по новому партнёрству в целях развития Африки.

И затем в 2002 году, в сентябре, Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию по новому партнёрству в целях развития Африки, и международная поддержка, реализация этого нового партнёрства в целях развития Африки крайне важна – это опять была цитата.

В октябре 2014 года Генеральный Секретарь ООН созвал совещание высокого уровня, перед которым была поставлена задача выработать рекомендации по операциям ООН сегодня и в будущем. В докладе этой группы, этой панели, содержалось следующее: в плане предотвращения конфликтов или реагирования на конфликты региональные партнёрства на Африканском континенте должны укрепляться.

И думаю, что для того чтобы понимать полностью важность этих рекомендаций, мы должны помнить о том, что в 2015 году 80 процентов миротворцев ООН были развёрнуты в Африке. И уважаемые коллеги заметили, что процитированные мною документы ООН, относящиеся к двум главным проблемам Африканского континента, – это социально-экономическое развитие, обеспечение мира и безопасности.

Я упомянул эти документы для того, чтобы обозначить главные проблемы, с которыми сталкивается Африканский континент, во-первых.

Во-вторых, обозначить, что эту реальность признаёт мировое сообщество.

И, в-третьих, что международное сообщество принимает на себя обязательство вступить в партнёрство с Африкой для того, чтобы успешно справляться с этими проблемами.

Учитывая тему, выдвинутую на обсуждение, хотел бы сделать несколько высказываний о том, с какими проблемами сталкивается Африка, а также объём, в котором ООН реагирует на эти проблемы, также о философии развития.

В первую очередь хотел бы сказать в этой связи, что для того чтобы Африка добилась упомянутых мною целей, Африке необходим новый мир. Второе категоричное утверждение, которое я хочу сделать, – это то, что эти требования представляют собой категоричное противоречие тому, что Африканский континент является мировой периферией. И третье категоричное утверждение, которое я сделаю, заключается в том, что глобальное процветание и мир во всём мире недостижимы, в то время как Африка исключена и как участница таких прекрасных результатов. И четвёртое утверждение, которое я хотел бы сделать: поддержание мира и развитие невозможно без относительной автаркии в том, что относится к Африканскому континенту.

Что касается борьбы с бедностью и других целей – хотел бы подтвердить, что наш континент по-прежнему с энтузиазмом относится к принятию очень амбициозных целей устойчивого развития, как уже упомянул наш президент. И это связано с теми глобальными обязательствами, поскольку для достижения целей устойчивого развития никто не останется позади – я опять упомянул цитату.

Для нас, африканцев, это означает, что система глобального правительства должна меняться таким образом, чтобы можно было достигнуть действительно цели устойчивого развития и тех целей, которые я обозначил. И в различные периоды времени существовали системы неравных правительств, в том числе в конце «холодной войны». Всё это привело к тому, что образовался однополярный мир, гегемония, с Соединёнными Штатами в качестве гегемона.

И в том, что касается африканского тысячелетия, как я упомянул, даже победа римлян над карфагенянами, колониализм, неоколониализм. Я хотел бы сказать, что существование гегемона приводит к возникновению феномена центра, который преуспевает за счёт существования периферии. И именно в плане глобального распределения у нас есть такая ситуация, когда, я думаю, что комментарий, который сделал господин Президент Путин сегодня днём, указывает на то, как существует сегодня этот мир.

Для Африки невозможно избавиться от существующей ситуации вне контекста мира, в котором бы уважалось равенство всех наций в плане определения миропорядка. И по этой причине как африканцы, и именно потому, что мы относительно слабы в глобальном плане – в экономическом, политическом, технологическом плане, – нам очень нужна свободная, универсально согласованная система международного права, которую будут уважать все страны.

И, на наш взгляд, какие бы легитимные предложения ни выдвигались в отношении создания лучшего мира, они должны быть основаны на той степени международного права, которая уже была согласована. И это подчёркивает абсолютный императив для всех наций вернуться к духу и букве для того, чтобы реализовать то, что было отражено в Уставе ООН и в других стратегических документах, которые были приняты после 1945 года в рамках ООН. Существование согласованного международного права, а также надежда на реформированные институты ООН должны быть центром философии международного развития для нового мира.

Большое спасибо.

* * *

Т.КОЛТОН: Сейчас мы уже выслушали выступление всех четырёх ораторов. Мы начнём обсуждение довольно коротко, поскольку здесь так много желающих задать вопросы. Возможно, я начну с небольшим, коротким вопросом, и на него может ответить любой из присутствующих ораторов.

Во время комментариев Президента Путина меня удивил акцент на безопасности и отсутствии безопасности. И с дилеммой безопасности, с которой мы сталкиваемся, когда мы говорим о вопросах развития, я думаю, что это естественный способ, поскольку мы извлекли тот урок из истории, что без безопасности, предсказуемости развития не будет. Поэтому сейчас очень мучительный момент, когда развитие осуществляется.

Люди, которые живут в четырёх странах, представители которых сидят здесь, живут лучше, чем их предки, всё это происходит по всему миру, но отсутствие безопасности в мире тем не менее есть, и философ Гоббс говорил об этом, что это то состояние, при котором нет власти, приводит к отсутствию безопасности, нестабильности и неспособности отдельных людей обеспечить себе лучшую жизнь. И по всему миру происходил процесс строения государств,

более сильных государств, и необходимо государствам учиться жить друг с другом в мире, в мирном сосуществовании.

Поэтому хотел бы задать очень общий вопрос нашим панелистам. Хотел бы спросить следующее. Во время выступлений каждого из вас вы все упоминали о том решении, которое предлагал Гоббс, – это построение институтов, изменение институтов. И хотел бы спросить вас, что должно быть нашим важнейшим приоритетом сейчас?

Президент Путин отметил в конце выступления важность ООН, важность того, чтобы ООН стала более эффективной, и использование ООН вместе с другими силами. Некоторые другие ораторы говорили о необходимости реформировать созданные институты. Например, господин Мбеки об этом упомянул. Наши европейские коллеги упоминали историю успеха, включая Европейский союз, например. ЕС появился достаточно недавно. Поэтому мой вопрос: что самое важное, о чём мы должны подумать сообща?

Мы должны создавать новые институты для вопросов безопасности или мы должны говорить о возвращении к тем институтам, которым сейчас уделяется меньше внимания, таким как ООН? Или мы должны в первую очередь концентрировать свои усилия на реформировании существующих институтов? А когда я говорю об институтах, я говорю прежде всего о международных институтах. Поэтому хотел бы сейчас предложить ораторам, может быть, начиная с Президента Путина, поделиться своим мнением, если у вас есть такое желание, конечно.

В.ПУТИН: Просто полностью присоединяюсь к тому, что сказал Президент Табо Мбеки. Он сказал, я даже записал, процитирую: «Нужна система международного права, которая уважалась бы всеми странами». Нужно вернуться к Уставу Организации Объединённых Наций. Абсолютно правильно. И если бы он этого не сказал, я должен был бы сказать это сам. Я полностью разделяю эту точку зрения. Мы просто пренебрежительно начали относиться к Уставу ООН, вытесняя его при принятии очень важных решений, делая вид, что это уже не важно, устарело.

А потом, когда мир сталкивается с острыми проблемами, те, кто виноват в нарушении Устава Организации Объединённых Наций, резко начинают призывать к исполнению основных положений Устава ООН. Так нужно с самого начала, чтобы все это помнили и уважали Устав ООН. Нужна надёжная система международного права, которая была бы гарантией от любых злоупотреблений силой.

Т.ХАЛОНЕН: Думаю, что мы сейчас, на данный момент, создали государство наций. Мы знаем слабости государства наций, и нам нужно тем не менее развивать их сильные стороны. Я, поскольку сама из Финляндии, говорю о государстве благосостояния. Это демократия, это верховенство закона, это благосостояние, это социальные, экономические, культурные права народов, всех людей, также и мигрантов. И когда мы говорим о разнице между целями тысячелетия, целями устойчивого развития... Помню, когда я была сопредседателем на саммите тысячелетия, я слышала от людей, что они хотят добиться лучшего будущего.

И это крайне важно, поскольку некоторые люди говорят, что мы слишком наивные в наших надеждах сделать мир лучше. Действительно, мы добиваемся каких-то успехов, может быть, не во всём, но всё-таки мы двигаемся к успеху. Если мы сравним ЦРТ и ЦУР, ЦРТ в основном создавались для правительств, в основном для правительств богатых стран, которые

преуспевают, для того чтобы продемонстрировать глобальную солидарность со странами Юга.

Но сейчас цели устойчивого развития показывают, что мир – это нечто большее, чем просто государство-нация, это также и бизнес-сообщество, это также проблема. Без системы, в которой будет больше игроков, нам будет сложно. И, как господин Фишер, бывший президент Австрийской Республики, говорил о системном анализе, думаю, что в рамках Валдайского клуба вы также могли бы подумать о том, как консультироваться с экспертами, которые специализируются на системном анализе. Я думаю, что это часть ответа на Ваш вопрос.

Также необходимы меры укрепления доверия. Это очень простые слова, и всё это лежит в основе государства-нации. Всё, что мы можем сделать в целях укрепления доверия, мы видим в Балтийском море, нашем общем море, а также на других, более крупных участках.

Мне было бы очень интересно узнать, поскольку мы сейчас в России, как Вы, господин Путин, видите это развитие, таким образом, в будущем. Думаю, что у меня есть некий луч надежды в отношении Вашего интереса, в отношении ООН.

Т.КОЛТОН: Вы хотели бы сейчас ответить, господин Президент, или мы сначала выслушаем других ораторов?

В.ПУТИН: Думаю, что выслушаем Хайнца и Табо.

Т.КОЛТОН: Хорошо, спасибо.

Господин Фишер, пожалуйста.

Х.ФИШЕР: Нам всем известно, что институты, а также неправильно созданные институты могут частично являться проблемой. Но в большинстве случаев они не представляют собой целую проблему, и те же самые институты, которые хорошо функционируют при определённых ситуациях, могут при других обстоятельствах, в другой среде, при другой экономической ситуации быть гораздо слабее и казаться неправильно созданными.

В том, что касается Европейского союза, в последние годы ситуация, если мы посмотрим, например, на торговые соглашения с Канадой, становится очевидно, что часть ответа на вопрос лежит в том, что необходимо создавать больше возможностей для центральных институтов в Европейском союзе, больше властных полномочий парламенту, больше власти комиссии, а также общая экономическая налоговая политика.

С другой стороны, очевидно, что именно это является очень чувствительной проблемой, и многие люди чувствуют, что наша автономия, наши возможности как государства всё больше передаются в Брюссель. И поэтому, если кто-то говорит: давайте запустим процесс модернизации и изменения институтов Европейского союза, – на данный момент я бы сказал: давайте подождём, давайте не будем торопиться, поскольку на данный момент это создало бы очень проблемную ситуацию во многих европейских странах.

Что же касается Организации Объединённых Наций, то я с большим интересом прислушиваюсь к аргументам, согласно которым Совет Безопасности, являющийся наиболее влиятельным органом Организации Объединённых Наций, был создан более 70 лет назад. Так что в соответствии с этой аргументацией было бы полезно, было бы необходимо дать Совету Безопасности новую структуру, такую структуру, которая позволила бы ему эффективно

работать в текущей обстановке, быть более представительным органом в том, что касается различных сторон государства.

Однако мы, конечно, понимаем сложности, сопряжённые с этим процессом. Если мы обратимся к нашим австрийским представителям в ООН с вопросом, возможно ли это, они скажут: нет, это совершенно невозможно, слишком расходятся мнения. Так что решение проблем при помощи реформирования институтов может быть только частью решения проблемы, частью того, что необходимо сделать.

Т.КОЛТОН: Спасибо большое.

Т.МБЕКИ: Что должно быть сделано – это должно быть сделано. Вы знаете, когда госпожа Халонен говорила, что ООН концентрировалась на трёх столпах направления: на безопасности, на правах человека, и, в-третьих, на развитии. Я в действительности убеждён, что, когда мы говорим о безопасности в глобальном масштабе, о правах человека в глобальном масштабе, о развитии в глобальном масштабе, невозможно решить какие бы то ни было из этих проблем в одиночку успешно на глобальном уровне, если мы не обратим свой взор вновь на Организацию Объединённых Наций в контексте Устава Организации Объединённых Наций, в контексте согласованной политики. Мне кажется, что участники конференции принимают это. Мир стал многополярным, и необходимо, чтобы эта многополярность перетекала в реальные действия на практике, для того чтобы успешно справляться с вызовами.

Каковы многополярные институты, которые сейчас существуют? Таким институтом должна быть ООН. Проблема реформирования Совета Безопасности становится именно в этом контексте особенно важной. Как сказал господин Фишер, Совет Безопасности создан очень давно, и он сейчас не отражает нынешнюю многополярную систему международных отношений. Он должен быть изменён, это сложно. Россия – член Совета Безопасности, может быть, она тоже является препятствием на пути этой реформы. Однако реформирование Совбеза должно произойти.

Мы должны также посмотреть на взаимоотношения Совета Безопасности и Генассамблеи, посмотреть на взаимоотношения с ЭКОСОС, то есть на все структуры. Они должны выражать многополярный характер мира, для того чтобы мы добились успеха на глобальном уровне в решении проблем, связанных с безопасностью, прав человека и развития. Это невозможно отбросить в сторону. Я не говорю, что это единственное, что необходимо сделать, но структуры должны быть укреплены, они должны быть более представительны и они должны быть также активизированы таким образом, чтобы все эти институты с уважением относились, во-первых, к реформированному международному праву.

А во-вторых, как сказал Президент Путин, необходимо... Я не говорю, что поскольку у нас есть ООН, то пропадает суверенитет. Суверенитет никуда не пропадает. Существует равенство государств. Само существование государств покоится на этом принципе, и это должно быть учтено при реформировании института ООН. Многополярный мир должен найти своё полноценное отражение в ООН. Если бы это произошло, то не было бы никакой катастрофы в Ливии, например.

Я завершаю уже свои комментарии. Когда мы говорим о целях устойчивого развития, они очень важны для Африканского континента и, я убеждён, для всех развивающихся стран.

Одна из проблем, с которыми мы сталкиваемся на континенте, – это сложность переговоров с ЕС по соглашениям об экономическом партнёрстве. Более того, я считаю, что те переговоры, которые сейчас ведутся с ЕС, ведутся так, что многие требования ЕС противоречат требованиям ЦУР – целям устойчивого развития. Если вы посмотрите на глобальный уровень, то необходимо будет провести соотношение этих соглашений, с одной стороны, и целей устойчивого развития, посмотреть, не противоречат ли они друг другу. Вот о чём я хотел бы сказать. Спасибо большое.

Т.КОЛТОН: Вы знаете, я был несколько взволнован. Я боялся, что мой вопрос не вызовет таких интересных ответов. Но спасибо большое.

Президент Путин, Вы не могли бы прореагировать на то, что было сказано?

В.ПУТИН: Ещё маленькая ремарка по поводу того, что господин Фишер сказал. Он упомянул дискуссию в ЕС по поводу торгового договора с Канадой. Это чисто внутриевросовское дело. Просто маленькая ремарка, если позволите.

Да, действительно, я знаю, что определённое раздражение в Европе вызывает позиция Валлонии, где всего три с половиной миллиона человек, и они, эти три с половиной, заблокировали принятие решения по такому глобальному вопросу, как торговое соглашение с Канадой. Но ведь, когда Бельгия создавала Евросоюз, она создавала его на определённых принципах и исходила из того, что и у неё в целом, и у Валлонии будут определённые права.

Если к сегодняшнему дню ЕС разросся очень сильно, изменился его состав и так далее, но права-то никто не менял. Может быть, и нужно эти права поменять, но сначала нужно тогда предоставить людям, которые создавали эту организацию, демократическим образом права поменять, а потом уже требовать от них согласия.

Теперь что касается спора. Я знаю этот спор не так хорошо, как, конечно, европейцы, тем не менее, много или мало прерогатив у наднациональных органов в ЕС, замечу, я уже говорил об этом публично: количество обязательных решений, которые принимает Европарламент в отношении стран – членов ЕС, больше гораздо, чем количество обязательных решений, которые принимал Верховный Совет СССР в отношении республик Советского Союза во время существования самого СССР. Хорошо это или плохо – это не нам решать. Мы за то, чтобы Европа была сильной, централизованной – наша позиция. Но в самой Европе, там разные точки зрения, и это, надеюсь, когда-нибудь завершится каким-то позитивным решением.

Теперь по поводу ООН. Я уже говорил об этом, вынужден повторить: нам нужно обязательно вернуться к тому, что написано в Уставе ООН, потому что другой организации, такой универсальной, как ООН, в мире не существует. И если мы сейчас от неё откажемся – это верная дорога к хаосу. Ничего другого в мире универсального не существует. Да, ситуация поменялась в мире. Да, ООН и Совет Безопасности нуждаются в реформах и реконструкции. Но, как у нас в МИДе принято говорить, это можно сделать, если мы хотим, чтобы сохранялась эффективность этого инструмента, это можно сделать на основе широкого консенсуса. Нужно, чтобы с этими реформами согласилось подавляющее большинство участников международного общения.

Теперь почему нужно обязательно вернуться к единообразному пониманию принципов норм международного права, выработанных на основе Устава ООН? Потому что создавалась эта

Организация после окончания Второй мировой войны, был определённый расклад сил в мире. Потом, после распада Советского Союза, Соединённые Штаты решили, что теперь, в общем-то, не с кем согласовывать и не надо ни с кем согласовывать кардинальные вопросы. И началось.

Сначала в середине 90-х годов – удары по Белграду. По сути, агрессия. Я сейчас не буду говорить про гуманитарную составляющую, которая предшествовала этим решениям, но просто наблюдать за ракетно-бомбовыми ударами в конце XX века в центре Европы... Не знаю, как вам, но для меня это было дикостью какой-то, просто дико. Тем не менее это было в обход Устава ООН, никто же этого не санкционировал. Как только столкнулись с этим, сразу начали говорить, что устарело, надо бы чего-нибудь поменять.

Дальше больше, дальше события в Ираке. ООН разве санкционировала действия в Ираке? Нет. А до этого был Афганистан в 2001 году. Да, мы знаем трагические события 11 сентября 2001 года, но всё равно по действующему международному праву надо было сходить в Совет Безопасности ООН и получить сначала там соответствующую резолюцию. Нет.

Потом Ирак. Потом принята была резолюция по Ливии – о чём резолюция по Ливии? Здесь же все эксперты, все знают, читали же все эту резолюцию. Что там написано? Бесполётная зона. Какая же бесполётная зона, если начали наносить ракетно-бомбовые удары по территории! Грубо извратили просто, опять нарушили Устав Организации Объединённых Наций.

Потом Сирия. Тарья, по-моему, говорила или Хайнц выступал, что в Сирии только умножается число террористов из-за действий в Алеппо. Разве с этого началось приумножение терроризма? Разве в Ираке были террористы? Близко не было никаких террористов до разрушения государственных структур страны. А в Ливии? Да ничего подобного там не было, никаких террористов, там и духу их не было. Как только разрушили государственность в стране, сразу этот вакуум был заполнен кем? Террористами. То же самое и в Сирии происходит.

Я понимаю намёк на наши действия в том же Алеппо или где. Но позвольте, как только началась война в Сирии, она началась задолго до нашего участия в этих событиях, там сразу и террористы появились, их начали снабжать оружием. Я же говорил об этом в своём выступлении. Их начали воспитывать, науськивать на Асада и так далее. Потому что других возможностей не было, они самые эффективные. И до сих пор это продолжается. Потому что это самые эффективные боевые подразделения. Их можно, как считают некоторые, направить, а потом мы, мол, с ними разберёмся. Ничего потом не будет! Не получится! В этом вся проблема.

И хотел бы тоже отреагировать на абсолютно правильные вещи, которые происходят, скажем, в Финляндии. Колокола звонят по погибшим в Алеппо. Давайте позвоним по погибшим сейчас в районе Мосула. Сейчас начинается операция в Мосуле. Уже, по-моему, свыше 200 человек террористы расстреляли в надежде остановить наступление на город – давайте не будем про это забывать. А в Афганистане? Одним только ударом авиации уничтожали целые свадьбы по 120 человек, одним ударом! Мы забыли об этом? А сейчас что происходит в Йемене? Колокола должны звонить по всем этим безвинным жертвам! Согласен с Вами.

Мы всё время слышим: Алеппо, Алеппо, Алеппо... Ну да. Вопрос в чём? Или оставить там террористическое гнездо, или, минимизируя, делая всё, чтобы избежать жертв среди мирного населения, всё-таки это гнездо дожать? Если не нужно вообще ничего трогать, тогда не нужно наступать и на Мосул. Давайте всё оставим как есть. Давайте Ракку не будем трогать. Ведь мы всё время слышим от наших партнёров: нужно наступать на Ракку, нужно уничтожить это гнездо терроризма. Но в Ракке тоже живут мирные граждане. Мы не будем с ними бороться вообще? Когда они где-то в городах захватывают заложников, мы что, оставляем их в покое? Возьмите пример с Израиля, Израиль никогда так не делает, он всегда борется до конца и благодаря этому существует, да и другого выбора нет, надо бороться. Если мы постоянно будем сдавать позиции, мы всегда будем проигрывать.

Теперь о том, что Тарья спросила по поводу безопасности в районе Балтийского моря. Напомню, что эта тема возникла не по нашей инициативе, она возникла в ходе моего визита в Финляндию, в Наантали, и она возникла по инициативе Президента Финляндии господина Ниинистё. Он совершенно неожиданно для меня поставил вопрос о том, чтобы российская авиация не летала без включённых транспондеров. Для тех, кто далёк от военного дела, скажу, что это приборы, которые на самолётах стоят и подают сигнал о том, что они в воздухе находятся. И включение этих систем, конечно, увеличивает безопасность в районе Балтийского моря. Это правильно, это правда. Я сразу же сказал, что, во-первых, количество полётов нашей авиации в разы уступает количеству полётов авиации стран НАТО, в разы. Это первое.

И второе. Я пообещал господину Президенту Финляндии, что мы обязательно поставим этот вопрос перед нашими партнёрами на ближайшей встрече в рамках Совета Россия–НАТО. Докладываю вам: мы это сделали. Результат: наши партнёры по НАТО предложение отклонили, более того, они сказали, что отклоняют предложение Путина. Путин здесь ни при чём, они отклоняют предложение господина Ниинистё, Президента Финляндской Республики.

Для нас тоже, между прочим, не так уж и просто это было, не так это было просто – пойти на такой шаг, потому что там есть технические вещи, есть и вещи чисто военного характера. Но я соответствующие указания Министерству обороны дал – поискать такую возможность, не нанося ущерба нашей безопасности. И наше Министерство обороны такую возможность нашло. Но наши коллеги из НАТО не хотят. Так что, пожалуйста, все вопросы туда, в Брюссель, в штаб-квартиру.

Т.КОЛТОН: Тарья, насколько я понимаю, Вы хотели бы ответить коротко на этот вопрос?

Т.ХАЛОНЕН: Если позволите, я отвечу. Я очень рада, что у нас по-прежнему продолжается замечательный диалог с Вами, господин Президент.

Это открытая дискуссия. Как правило, мы ведём такие дискуссии в меньших группах, тем не менее мне кажется, что предложение Президента Ниинистё было прекрасным примером. Считаю, что это важно для безопасности в нашем регионе. Однако, как сказал Президент Путин, есть очень много технических вопросов, других проблем с обеих сторон.

А это говорит нам о чём? Даже когда речь идёт о каком-то ограниченном вопросе, требуется время, требуется сила. И тем не менее я считаю, что мы по-прежнему все согласны. Нам необходимо добиться этого для того, чтобы обеспечить безопасность в регионе. Мы должны

добиться принятия этих предложений. Надеюсь, что дискуссия будет продолжаться. И хорошая работа продолжится.

Позвольте мне так же коротко остановиться на других аспектах, которые были упомянуты Президентом Путиным. Конечно, Алеппо и Йемен – это те проблемы, о которых мы постоянно слышим в средствах массовой информации, в западных странах и в России тоже. Но здесь нет чёрного и белого. Это очень сложный вопрос. Но мы должны с уважением относиться к чувствам людей, они совершенно верно говорят: это неправильно. ЮНИСЕФ со стороны ООН тоже говорит о том, что то, что происходит, – неправильно. У нас есть, к счастью, эксперты, которые могут разобраться во всём этом.

Что же касается ООН, я очень рада, что мы много говорили об ООН, я сторонница ООН, я там работала, и я буду работать с ними, я обещала господину Пан Ги Муну, и следующему Генеральному секретарю я обещаю сотрудничество. Мы все понимаем, что если мы ничего делать не будем, то это может нам очень дорого обойтись.

Возьмём, например, Совет Безопасности. Я с большим интересом слушала то, что сказал Министр Лавров. Как мне кажется, если мы не сможем добиться успеха в Совете Безопасности, это ещё не всё, мы должны подумать о работе Генассамблеи, об ЭКОСОСе, ведь ООН – очень большая структура. Мы должны подталкивать их вперёд. И надеюсь, что мы добьёмся прогресса.

Спасибо за то, что Вы подняли эти вопросы, и эти вопросы и далее будут обсуждаться.

Т.КОЛТОН: Сейчас я хотел бы поблагодарить всех и передать слово тем, кто присутствует в зале, для вопросов. У нас здесь представлено большое число экспертов, почти все хотят задать вопрос, и вы можете отвечать на вопросы, на которые хотите, отмечать их.

Хотел бы сказать, что, к сожалению, Ваша популярность, господин Президент, растёт; моя к концу дня, наверное, сократится. А времени у нас очень мало.

Позвольте, мы передадим слово сначала первым, кто заявил о желании задать вопросы. Многие из них, думаю, будут адресованы Президенту Путину. Однако если кто-то желает тоже ответить, даже если они напрямую не направлены им, то, пожалуйста, отвечайте.

ВОПРОС (как переведено): Господин Президент, как Вам известно, растёт обеспокоенность международного сообщества относительно киберпространства, киберконфликтов. Ключевой вопрос состоит в следующем. Это обеспокоенность осуществления кибератак для достижения политических целей, учитывая, что вопрос кибератак очень молодой вопрос в отличие от других войн. Пространство кибератак очень известно, государства не должны использовать киберпространство для атаки на инфраструктуру других государств. Поэтому мой вопрос заключается в следующем.

Во-первых, в теории. Я слышал, что Вы уже говорили, поэтому в теории: должны ли национальные избирательные системы считаться критической национальной инфраструктурой?

И второй вопрос: какие конкретные правила Вы бы предложили по мере того, как международное сообщество думает о киберпространстве, для того чтобы снизить угрозу кибервойн в будущем?

В.ПУТИН: На мой взгляд, вмешательство во внутривластные процессы, одной страны в другую, недопустимо вне зависимости от того, каким способом такие попытки могут предприниматься: с помощью кибератак либо с помощью каких-то других инструментов, подконтрольных организаций внутри той или иной страны.

Например, вы знаете, что произошло в Турции, и знаете позицию Президента Турции Реджепа Эрдогана по поводу того, что он считает. А он считает, что попытка переворота в Турции была предпринята структурами, которые были воспитаны на идеях и при прямом участии организации некоего Гюлена, проживающего уже девять лет в Соединённых Штатах Америки. И это недопустимо, и кибератаки недопустимы.

Нам не избежать, наверное, взаимного влияния друг на друга, в том числе и в киберпространстве. Но Вы задали вопрос конкретный, а именно Вы задали вопрос об избирательной системе. Я считаю, что это абсолютно недопустимо. А как избежать подобных эксцессов, если они где-то будут возникать, нет никакого другого способа, как договариваться и выработать определённые правила, причём такие правила, которые будут единообразно пониматься, будут признаны на правительственном, государственном уровне и могли бы быть проверяемыми.

Встаёт вопрос, конечно, о свободе интернета и всего, что с ним связано. Но мы знаем, что очень во многих странах, в том числе и в тех, кто всегда выступал за свободу интернета, предпринимаются и на практике реализуются шаги по ограничению этого доступа, связанные с интересами большинства граждан. Это касается и преступлений, которые могут готовиться либо совершаться в киберпространстве. Например, покушение на банковские системы, незаконные переводы денег, это касается всяких суицидов, преступлений против детей и так далее. Но эти же правила на национальном уровне принимаются, значит, мы можем принимать соответствующие правила и на национальном уровне, и в отношениях между государствами.

Т.КОЛТОН: Спасибо.

Хотел бы предоставить слово господину Сушенцову, затем слово господину Быстрицкому.

Господин Сушенцов, Вам слово.

А.СУШЕНЦОВ: Владимир Владимирович! Андрей Сушенцов, университет МГИМО, Валдайский клуб.

В зарубежных СМИ сложилось мнение, что у России есть однозначный фаворит на американских президентских выборах – Дональд Трамп. Какую на самом деле роль играет фигура следующего американского президента для России, для двусторонних отношений? И каким условиям должна удовлетворять американская внешняя политика по отношению к России, для того чтобы отношения нормализовались?

В.ПУТИН: По поводу так называемых фаворитов или не фаворитов в избирательной кампании в Соединённых Штатах. Вы сказали о том, что это образ, который создан СМИ? Он и создан, этот образ, СМИ. Я Вас уверяю, не случайно. Я вообще редко вижу, когда что-то случайно создаётся ведущими средствами массовой информации. Сама идея вброшена в общественное сознание в ходе президентской кампании в Соединённых Штатах, на мой взгляд, только с одной целью – с целью борьбы тех, кто защищает интересы кандидата от

Демократической партии госпожи Клинтон в борьбе с представителем Республиканской партии, в данном случае в борьбе с господином Трампом.

Как это делается? Во-первых, создаётся образ врага в виде Российской Федерации, в виде России, а потом объявляется, что Трамп – наш фаворит. Это полный бред и полная чушь! Это просто способ внутривластной борьбы, способ манипулирования общественным мнением накануне президентских выборов в самих Соединённых Штатах.

Да, на самом деле я много раз говорил, хочу повторить: мы не знаем, как поведёт себя любой из кандидатов, который добьётся победы. Мы не знаем, как поведёт себя господин Трамп, мы не знаем, как поведёт себя госпожа Клинтон, если она будет избрана, что там будет исполнено, что не исполнено. Поэтому по большому счёту для нас это более или менее безразлично. Но, конечно, мы не можем не приветствовать слова, мысли, намерения, о которых публично говорится, о нормализации отношений между Соединёнными Штатами и Россией. И в этом смысле, конечно, мы приветствуем такие заявления, от кого бы они ни исходили. Вот, собственно говоря, и всё.

Что касается самого господина Трампа, он выбрал, видимо, свой способ достучаться до сердец избирателей. Какой? Он, конечно, ведёт себя экстравагантно, мы все это видим. Но, я думаю, не так уж это всё и бессмысленно. Потому что, на мой взгляд, он представляет интересы той части общества, а она значительная в Штатах, которая устала от тех самых элит, которые десятилетиями находятся у власти. Он просто представляет интересы таких простых людей.

Он и сам изображает из себя такого простого парня, который критикует тех, кто уже десятилетиями находится у власти, тех, кому не нравится (мы же читаем аналитику, в том числе и американскую) передача власти по наследству, допустим. Об этом прямо некоторые эксперты пишут в США. И он работает на этой «поляне».

Но насколько это будет для него эффективно, выборы покажут в ближайшее время. Но хочу повторить ещё раз один штамп, который всё время повторяю: мы будем работать с любым президентом, которого изберёт американский народ и который захочет работать с нами.

А.БЫСТРИЦКИЙ: Владимир Владимирович, можно вопрос в развитие темы безопасности, которая только что поднималась? Понятно, что здесь ключевым и важным элементом, в этой теме безопасности, является взаимодействие. И понятно, что оно может быть сложным. Например, в случае упомянутых только что в разговоре транспондеров. Но в конце концов самолёты могут летать.

Но есть критически важные области, где речь идёт непосредственно о жизни людей, и жизни людей невинных. Вы недавно вспоминали дело Царнаевых. И, как я понимаю, информация с российской стороны была предоставлена, но это не возымело ни малейшего действия, как я тоже понимаю. Означает ли это, что на таком практическом уровне взаимодействия в сфере безопасности ситуация критическая?

В.ПУТИН: Я уже говорил об этом. Не помню когда. По-моему, на встрече с французскими журналистами, что ли? Да, действительно, мы предоставили в своё время информацию по этим братьям Царнаевым американским партнёрам. Написали один раз – ответа никакого. Потом ещё раз написали – опять никакого ответа нет. И уже после второго письма пришел

ответ, что они наши граждане, вы сюда не лезьте, мы сами разберёмся. Ладно, я директору ФСБ сказал: всё, сдаю в архив. Так ответ у нас в архиве и лежит до сих пор.

Но потом, к сожалению, через несколько месяцев произошёл теракт в Бостоне во время известного марафона, погибли люди. Очень жаль, что эта трагедия произошла. Если бы контакты и доверие были бы на другом уровне между нами и нашими партнёрами, уверен, можно было бы избежать этой трагедии. Потом у нас и американцы появились сразу, приехали, мы отдали материалы, которые у нас были. Но поздно, уже люди-то погибли.

Это, кстати говоря, отчасти ответ на предыдущий вопрос. Те, кто хочет с нами работать, – я не знаю, будут они или не будут, но они формулируют правильно тезис о том, что это необходимо для всех, особенно на поле борьбы с терроризмом. В этом смысле мы приветствуем, повторяю, всех, кто об этом заявляет.

Но, скажем, я тоже уже говорил об этом, например, в ходе подготовки к Олимпийским играм здесь, в Сочи, американцы реально нам помогали. И я благодарен им за это, мы все им за это благодарны, они сотрудничали и здесь, на месте, сотрудничали с нами очень эффективно и на более высоком уровне – на уровне руководства спецслужб. Были и другие примеры хорошего сотрудничества.

В целом у нас неплохо обстоят дела по этому направлению с европейскими партнёрами, как раз с французскими спецслужбами, там достаточно откровенный, профессиональный разговор идёт, обмен информацией имеет место быть. В общем, не всё так плохо, но могло бы быть гораздо лучше.

Т.КОЛТОН: Хорошо.

Хотел бы сейчас предоставить слово Сафине Фишер из Берлина.

С.ФИШЕР: Спасибо. Мой вопрос Президенту Путину, он касается Украины.

Президент Путин, недавно после достаточно длинной паузы состоялась встреча «нормандской четвёрки» в Берлине. И после этой встречи стороны несколько по-разному интерпретировали результаты переговоров. Поэтому мне бы очень хотелось услышать Вашу оценку результатов и атмосферы этой встречи.

Помимо этого, считаете ли Вы «нормандский формат» в данной форме эффективным или Вы думаете, что он мог бы работать более продуктивно, если бы, например, туда присоединились Соединённые Штаты Америки?

Спасибо большое.

В.ПУТИН: Можно уточняющий вопрос? Какая разная интерпретация была результатов встречи? О чём Вы говорите? Как ни странно, я просто не слышал этих разных интерпретаций. Какие?

С.ФИШЕР: Были обсуждения полицейской миссии в Донбассе, с одной стороны, и упор на «дорожную карту», которая делалась, например, в России в СМИ и тоже в политических дебатах. По-моему, это действительно были разные интерпретации результатов.

В.ПУТИН: Здесь секрета никакого нет. Я скажу, вообще как было. Некоторые вещи, может быть, не буду говорить, чтобы не ставить никого в трудное положение и не мешать самому процессу.

Как вы знаете, в Минских соглашениях, думаю, что эксперты все читали, там чёрным по белому написано: через 30 дней после подписания Минских соглашений на Украине Рада должна принять постановление, которое очертило бы географические границы районов, в которых начал бы сразу действовать закон об особом статусе этих непризнанных республик. Потому что единственное, чего не хватало, чтобы он начал работать, было отсутствие описания этих географических границ.

И это нужно было принять не законом, а постановлением парламента, и это постановление с нарушением сроков, но тем не менее было принято. И, казалось бы, этот закон должен был бы сразу вступить в действие. Он был принят, хочу напомнить, парламентом Украины, проголосован, и он был согласован с непризнанными республиками, что очень важно, и в этом смысле он является, на мой взгляд, жизненно важным и ключевым элементом политического урегулирования.

Но, приняв это постановление Рады, украинская сторона, парламент страны принял дополнение к этому закону пунктом в статью девятую или десятую, в которой написал, что этот закон вступит только тогда, когда произойдут муниципальные выборы на этих территориях. То есть опять отложил вступление этого закона в силу, повторяю, по нашему мнению, абсолютно ключевого для политического урегулирования кризиса на юго-востоке страны. Причём сделал это, конечно, уже ни с кем не согласовывая, с этими непризнанными республиками даже не консультировались.

Год назад в Париже мы это очень активно обсуждали, спорили. Я настаивал на том, чтобы это было сделано, и сделано незамедлительно, поскольку это прописано в Минских соглашениях и является ключевым элементом, на наш взгляд. Тем не менее Президент Украины настаивал на том, что это сделать невозможно. И зашло всё в тупик. Поскольку зашло в тупик, и всё могло закончиться сразу же на месте год назад в Париже, неожиданно Министр иностранных дел ФРГ господин Штайнмайер предложил компромисс.

Он сказал: «Давайте мы так договоримся. Этот закон вступит в силу в день выборов в муниципальные органы власти на этих территориях на временной основе, и на постоянной – после того как БДИПЧ ОБСЕ признает, что выборы состоялись в соответствии с правилами ОБСЕ». Это было совсем не то, что написано в Минских соглашениях, но, чтобы не заводить дело в тупик, я согласился и сказал: «Хорошо, договорились. Мы это согласуем с Донецком и Луганском». И мы согласовали.

Но на встрече в Берлине вдруг неожиданно Президент Украины попытался изменить и эту формулу, уже как бы компромиссную. Пошёл ещё дальше, по сути, отказываясь вообще от имплементации этого закона когда бы то ни было. Опять возник тот же самый кризис, который мы имели в Париже год назад. Но я хочу отметить роль Федерального канцлера. Она всё-таки нашла аргументы и убедила всех собравшихся в том, что мы можем и должны остаться на согласованной позиции, и невозможно каждый раз, встречаясь через год, менять то, о чём мы договаривались до этого, так мы никогда ни о чём не сможем договориться. Но нюансы и детали того, как это должно имплементироваться, договорились погрузить в ту концепцию, о которой Вы сказали и которую предстоит ещё выработать.

Вот, пожалуй, и всё. Но в принципе много было сделано по вопросам обеспечения безопасности – там мы практически согласовали почти каждый из пунктов. Почти ни о чём не договорились по вопросам гуманитарного характера – эти территории остаются в строгой

блокаде, и ситуация там очень сложная. На это, кстати говоря, весь так называемый цивилизованный мир предпочитает не обращать никакого внимания. Сейчас не хочу даже открывать дискуссии на эту тему.

Но что касается формата, он полезен или не полезен, – просто другого нет. Да, дискуссии идут сложно, да, это не очень эффективно, соглашусь с этим, но другого нет, и если мы хотим хоть чего-то добиться, надо оставаться в рамках этого формата.

Нужно ли привлекать кого-то другого? Российская позиция такая: мы не против привлечь кого бы то ни было, в том числе и наших американских партнёров. Но договорились таким образом со всеми участниками этого процесса, что мы с нашими американскими коллегами будем работать параллельно. И вы знаете, мой помощник и госпожа Нуланд постоянно встречаются, регулярно эти темы обсуждают, ищут компромиссы. Но это, разумеется, делается не келейно, не тайно, и все участники нормандского формата в курсе, знают, и мы учитываем, конечно, и позицию наших американских партнёров.

Т.КОЛТОН: Анджела Стент, пожалуйста.

А.СТЕНТ (как переведено): Спасибо. Мой вопрос адресован Президенту Путину. Я профессор Джорджтаунского университета Вашингтона.

Россия недавно вышла из соглашения с Соединёнными Штатами по уничтожению плутония, но в то же время российское Правительство заявило, что рассмотрит повторное вступление к соглашению, если будут выполнены три условия. Первое, что войска НАТО должны вернуться к тем позициям, которые они занимали до 2000-х годов в Европе, во-вторых, «закон Магнитского» должен быть отменён, и в-третьих, что санкции, введённые против России с момента начала украинского кризиса, должны быть сняты, и России должна быть предоставлена компенсация.

Вопрос заключается в следующем. 20 января у нас будет новый президент, я настроена оптимистично, должны ли мы понимать в США, что эти три условия лягут в основу изначальной переговорной позиции со стороны Российской Федерации с новым американским президентом, когда он вновь восстановит отношения высокого уровня с Кремлём?

В.ПУТИН: Вы профессор, сразу видно, что не дипломат. Если Вы у дипломатов спросите, они Вам скажут, что есть такое понятие, как запросная позиция, и решение по поводу договора об уничтожении избыточного количества оружейного плутония – мы из него не вышли. Соединённые Штаты вышли из договора по противоракетной обороне, а мы не вышли, мы приостановили его действие. Но почему? Я думаю, что все здесь знают почему. Это соглашение что предусматривало? Оно предусматривало, что и в России, и в США будут построены заводы, которые будут уничтожать избыточное количество оружейного плутония, наработанного как в США, так и в России.

США свои обязательства не только не выполнили, а объявили, что выполнять не намерены – со ссылкой на финансовые трудности. Как будто у нас таких финансовых трудностей нет. Но мы завод построили и уничтожаем этот плутоний промышленным способом. То, что объявили Соединённые Штаты, причём в одностороннем порядке, никак с нами свои действия не согласовывая... Они сказали, что они будут его разбавлять, этот оружейный плутоний, там хранить в каких-то пластах и так далее.

Это значит, специалисты говорят, это называется возвратный потенциал. В любую секунду можно вернуть, опять обогатить, и всё снова здорово, как у нас в народе говорят. А мы-то уничтожаем его промышленным способом. Мы завод построили, деньги истратили. Мы что, богаче Соединённых Штатов, что ли?

И очень по многим вопросам нам очень трудно разговаривать с администрацией сегодняшней, потому что ничего почти не выполняется, почти никакие договорённости не исполняются, в том числе и по Сирии. Может, ещё к этому вернёмся. Но мы готовы будем разговаривать с новым президентом и искать решения любых сложных вопросов, любых.

ВОПРОС (как переведено): Господин Президент, хотел бы задать Вам вопрос по политике России в отношении Азии. Сегодня акцент делается на построении многополярного мира во внешней политике России. Но помимо этого вы также уделяете особое внимание многополярности в Азии. Сегодня в Вашей речи Вы, в частности, на мой взгляд, указали на рост напряжённости в отношениях с Западом и о переориентировании на Азию. Но есть и проблемы в Азии. В частности, появление новых игроков ведёт к появлению страхов, появляются новые разделительные барьеры. Скажите, есть ли опасность того, что Россия путём акцента на многополярном мире может недооценить опасность однополярной Азии в ущерб необходимости всех великих держав работать вместе для создания нового мира?

В.ПУТИН: Мы интенсифицируем развитие наших отношений с азиатскими странами не потому, что у нас напряглись отношения с Европой или Соединёнными Штатами. Просто то, что сейчас происходит, диктуется самой жизнью. Необходимость расширения наших контактов, увеличение этих контактов диктуются жизнью. Почему?

Рост и значение азиатских стран растут и будут расти дальше, причём достаточно высокими темпами. Но для России, значительная часть территории которой находится в Азии, было бы нелепым не использовать своё географическое преимущество и не развивать отношения с нашими соседями.

Китай – наш сосед, я говорил об этом во вступительном слове. С Индией у нас хорошая предыстория отношений, что грех было бы это не использовать для развития отношений с Индией сегодня и на длительную историческую перспективу. У нас много совпадающих интересов. Мы естественным образом взаимодополняем друг друга, кстати говоря, как в политике, так и в экономике.

Но что касается многополярности или однополярности Азии, Азия не является однополярной, мы это прекрасно видим и понимаем.

Жизнь вообще сложна и многообразна, она вообще вся соткана из противоречий. Важно только, чтобы эти противоречия разрешались цивилизованным способом. Мне кажется, что у лидеров азиатских стран сегодня достаточно здравого смысла, чтобы выйти именно на такой режим работы друг с другом. И мы готовы работать в таком же режиме со всеми.

Вы знаете, что я недавно был с визитом в Индии, только что вернулся из Индии наш Министр обороны. У нас не только по линии оборонных ведомств, по линии промышленного производства в оборонной сфере, но и в гражданских областях очень много пересекающихся интересов с Индией, Китаем, тем же Вьетнамом, с другими странами региона. И они очень перспективные и масштабные.

Т.КОЛТОН: Тома Гомар, пожалуйста.

Т.ГОМАР (как переведено): Господин Президент, в сентябре 2014 года на Валдайском клубе Вы описали отношения между Украиной и Россией следующим предложением: две страны – один народ. А каким образом Вы сегодня описали бы отношения между этими двумя странами?

В.ПУТИН: Я сейчас не буду говорить про то, кто в чём виноват, но я считаю, как и считал, что русские и украинцы – это действительно один народ. У нас есть люди крайних националистических взглядов, как в России, так и в Украине. Но в целом в большинстве своём это один народ – народ одной истории, одной культуры, очень близкий этнически. Нас сначала разделили, а потом стравили, но мы сами в этом виноваты. И мы должны сами найти выход из этой ситуации. Уверен, что здравый смысл восторжествует, и мы этот выход найдём.

ВОПРОС: Уважаемый господин Президент! До моего вопроса хотел бы очень коротко передать Вам слова моих молодых студентов. Два года назад, когда Вы были в Шанхае по очень важным другим делам, наши студенты пропустили шанс встретиться в университете с Вами и Вас спросить. Но они сказали мне, что всегда Вас ждут. И это не зависит от того, будете Вы на пенсии или нет.

Мой вопрос такой. Сегодня мы обсуждаем философский вопрос международных отношений. Человеческое сообщество уже переживало многие варианты международной системы. По Вашему представлению, будущие системы до какой степени будут похожи на бывшие? И на какие положительные элементы нам больше нужно обращать внимания? Это немножко теоретически, по каким принципам, более универсальным или более многообразным? Какие сочетания, какие комбинации среди них Вы предпочитаете?

Ещё конкретный вопрос. В текущие дни очень оживлённо обсуждаем вопрос, какие взаимоотношения между Россией, Западом и Китаем.

В.ПУТИН: Хайнц здесь такую ремарку сделал, что это очень философский вопрос, об этом можно долго рассуждать.

Будет ли мир будущего таким, каким он был в прошлом? Конечно, нет. Разве это возможно? Мир меняется очень сильно. Разве Китай 60–70-х годов похож на Китай сегодняшнего дня? Совсем две разные страны, да и Советского Союза нет.

Господин Мбеке говорил про Африку. Я с этими тезисами согласен. Но Африка не может быть где-то на периферии. Если кто-то так думает, то он глубоко заблуждается. Если мы будем действовать именно таким образом, нас ждут очень тяжёлые испытания. Мы уже сейчас видим, говорят: беженцы-беженцы, Сирия-Сирия. Я сегодня только смотрел – очередное событие в Средиземном море, где итальянская береговая охрана вылавливала беженцев из Африки. При чём здесь Сирия? Вы знаете, это очень серьёзный вопрос – будущее мира и будущее Африки. Так же и взаимоотношения в Азии, там много конфликтных, таких потенциально конфликтных ситуаций.

Хочу повторить то, что я только что сказал. Вопрос в том, хватит ли у нас ума и мужества найти приемлемые способы решения всех этих проблем и сложных конфликтов. Мне бы очень хотелось, чтобы это было именно так, чтобы мир действительно стал многополярным и чтобы учитывались мнения всех участников международного сообщества. Маленькая это страна или большая, должны быть единообразно понимаемые общие правила, гарантирующие суверенитет и интересы народов.

А что касается наших взаимоотношений между нашими партнёрами в Европе, в Соединённых Штатах, в Америке вообще, в азиатских странах, мы выстраиваем разновекторную политику, и не только в силу своего географического положения. Наша политика в отношении всех наших партнёров строится на основе равноправия и взаимного уважения.

Т.КОЛТОН: Хорошо.

Николай Злобин, пожалуйста.

Н.ЗЛОБИН: Владимир Владимирович, у меня вопрос тоже философский, но я подразумеваю, что Вы уже думали на эту тему, поэтому хотел бы получить от Вас ответ в Вашем стиле. Вы умеете формулировать афористично, мы все это знаем.

Я вернусь к Вашей речи, к ней пока никто не апеллировал. Я не согласен с одной вещью в Вашей речи, где Вы описывали мир. Вы описывали его правильно, но мне кажется, что сводить всё к злой воле элит или каких-то отдельных лидеров, это не совсем правильно. Страны действуют под влиянием очень большого количества объективных факторов. Даже Вы сейчас, говоря о евразийском сотрудничестве, сказали, что жизнь требует так поступать. Я помню, когда была история с Крымом, Вы сказали: я не мог поступить иначе, хотя весь мир считал, что это не самый лучший жест доброй воли.

Мой вопрос в этой связи. Думаю, что страны действуют под влиянием национальных интересов, того, как они видят мир. И очень часто эти национальные интересы входят в противоречия, одной страны и другой страны.

Однажды в интервью какому-то западному агентству Вы сказали, что Ваша работа – продвигать национальные интересы России. Поэтому я подозреваю, что Вы знаете, что такое национальные интересы России, причём не тактические, не сегодняшние, а фундаментальные, которые существовали раньше и будут существовать потом. Думаю, что Вам ещё рано на пенсию уходить, но всё равно когда-нибудь это случится, и национальные интересы сохранятся. Есть у Вас формула в голове, ёмкая, хорошая, как объяснить миру? Потому что одна из проблем, что Россия воспринимается страной непредсказуемой. Можете Вы объяснить одной формулой, которая сохранится надолго, что такое национальные интересы России?

В.ПУТИН: То, что хорошо для русского человека, то и национальные интересы России и вообще для народов Российской Федерации. Но вопрос не в том, чтобы любой ценой продвигать эти национальные интересы, вопрос в том, как это делать. Я хочу вернуть нас к ставшему ключевым вопросу: мы считаем, что добиваться своих национальных интересов нужно в диалоге со всеми участниками международной жизни, уважая их интересы и пользуясь единообразно понимаемыми правилами игры, которые называются «международное право».

Кстати, когда выступала Тарья, она сказала, что несколько мрачно прозвучали мои оценки. Если именно так и восприняли, что исключительно в ошибках элит заключаются все проблемы сегодняшнего дня, то, конечно, я не это имел в виду. Это одна из серьёзных проблем сегодняшнего дня – расхождения между интересами так называемых широких масс и правящими классами, но не единственная, а в основе, конечно, лежат и интересы, но способы достижения своих интересов важны, вот что важно.

А.МУХИН: Владимир Владимирович, на Украине постоянно пытаются что-нибудь запретить российское. И складывается такое ощущение, что любые российские компоненты просто выдавливаются из украинского общества. В этой связи у меня тоже философский вопрос. Пётр Порошенко говорил о том, что он намерен продать свой российский бизнес. Этот бизнес существует вообще или нет? И как Вы к этому относитесь?

В.ПУТИН: Мы стремимся к тому, чтобы уважать право собственности. Алексей Леонидович – горячий приверженец, считает, что это один из столпов экономической политики, и в этом смысле я с ним полностью согласен. У нас далеко не всегда так получается, нам практику нужно ещё поправлять, и в законодательстве многое нужно сделать, но мы всегда будем к этому стремиться.

То же самое касается и наших иностранных инвесторов, в том числе и украинских инвесторов. Пётр Алексеевич Порошенко является одним из таких инвесторов, имею в виду, что он является собственником достаточно крупного предприятия в Липецкой области – фабрики «Рошен». Там, собственно, два предприятия, второе занимается, по-моему, реализацией продукции. Там есть некоторые проблемы, связанные с невозвратом НДС, и судебные органы ввели определённые ограничительные меры, но фабрика работает, работает ритмично, выплачивает зарплату, получает прибыль, и нет никаких ограничений, связанных с использованием этой прибыли, в том числе и с переводом её за границу. Я сейчас не помню, сколько, не погружаюсь в такие детали, но она работает с прибылью, и работает успешно.

П.ДУТКЕВИЧ: Господин Президент, я уже задал этот вопрос заместителю Министра иностранных дел вчера, но я понял свою ошибку, потому что исключительным адресатом этого вопроса являетесь Вы, Владимир Владимирович.

Вопрос такой: поступила информация, я не знаю, насколько она достоверна, что во время встречи с господином Обамой в Китае в сентябре этого года Вы разговаривали о перемирии в Сирии. Не знаю, насколько это достоверно, но Вам предложили семидневное перемирие. Вы засомневались и сказали, что невозможно за такой короткий период развести радикалов от мирных, и вряд ли можно это сделать. Поэтому Вам на это был ответ, что если мы не сумеем это сделать, тогда у вас свободные руки. Вы можете вспомнить этот разговор? Потому что он очень важный для истории того, что происходит сейчас в Сирии.

В.ПУТИН: Да мне и не нужно его вспоминать, я его и не забывал. Это очень важный разговор. Там действительно шла речь о том, чтобы прекратить работу российской и сирийской авиации по нанесению ударов по объектам террористов в Алеппо до разделения так называемой здоровой части оппозиции от «Джабхат ан-Нусры» – террористической организации, признанной в таком качестве Организацией Объединённых Наций, входящей в перечень международных террористических организаций.

В этой связи хотел бы заметить, что не секретом является то, что нам наши американские партнёры обещали это сделать. Они признали, во-первых, что это нужно сделать, они признали, что часть Алеппо занята террористическими организациями – и ИГИЛ, и «Джабхат ан-Нусрой». Собственно говоря, это видно на кадрах телевизионной хроники, когда мы видим знамя ИГИЛ, знамя «Джабхат ан-Нусры» в определённых районах Алеппо. Они признали, что это надо сделать, и заверили нас, что сделают это.

А после этого мы договорились о том, что вместе определим прямо на поле боя, где здоровая часть оппозиции, и мы их не будем трогать вообще, а где террористы, и мы будем вместе с американскими нашими партнёрами работать по этим террористам. Они обещали нам многократно и на уровне Минобороны, и на уровне министров иностранных дел, и на уровне специальных служб. К сожалению, раз за разом всё это срывалось, и они этого не делали.

В очередной раз этот вопрос был поднят во время нашей встречи в Китае. Действительно, мой американский партнёр, Президент Обама, предложил в очередной раз их развести. Но он настаивал на том, чтобы сначала мы объявили день Д, день тишины, прекратили бы боевые действия, удары авиации, а затем в течение семи дней они брали бы на себя обязательство развести оппозицию здоровую и «Джабхат ан-Нусру» друг с другом. Я сейчас не буду говорить о деталях, потому что не считаю себя вправе какие-то детали воспроизводить вслух. Всё-таки в ходе таких переговоров остаётся какая-то часть, которая доверительно доводится друг до друга. Но факт остаётся фактом.

Вместо того чтобы развести террористов, «Джабхат ан-Нусру», и здоровую часть оппозиции, наши американские партнёры сами сорвали это перемирие. Кстати говоря, в конечном итоге я хоть и настаивал на том, что сначала развести нужно, а потом прекратить полёты авиации, но в ходе дискуссии согласился с мнением американского партнёра. Он настаивал, и я с ним согласился, пошёл навстречу, сказал: ладно, бог с ним, мы сначала объявляем перемирие, не будем летать, не будем наносить удары, пожалуйста, вот вам семь дней.

Перемирие было объявлено, по-моему, 12 сентября. 17-го американская авиация нанесла удар по сирийским войскам, после чего подразделения ИГИЛ перешли в наступление. Нам сказали, что удар был нанесён по ошибке, а ИГИЛ перешёл в наступление случайно, это случайность. Может быть, и так, но перемирие было сорвано и далеко не по нашей вине.

А что там обещал или что не обещал Президент Соединённых Штатов, это всё-таки Вы спрашивайте у него. Я думаю, что в ходе, допустим, своей поездки по европейским странам он сам об этом расскажет нашим европейским уже партнёрам. И думаю, что нужно сделать это откровенно и честно, а не просто использовать их для того, чтобы повлиять на нашу позицию по Сирии.

Да, кстати говоря, вы знаете, сегодня уже девятый день, когда российская и сирийская авиация в районе Алеппо просто не работает. Вот вам ещё не семь дней, вот вам ещё девять, уже десять дней сейчас будет. Где разведение террористов и здоровой части оппозиции? Понимаете, если мы не будем выполнять взятых на себя обязательств, мы никогда не добьёмся успеха в решении задач борьбы с террором.

Я понимаю, это непростая задача, и мы здесь не склонны никого ни в чём обвинять, но уж если о чём-то договорились, надо исполнять. Во всяком случае, на нас не перекладывать вину и не обвинять во всех смертных грехах. Это просто неприлично. Мы пока ведём себя сдержанно и также по-хамски нашим партнёрам не отвечаем, но всё имеет свои границы, можем и ответить.

Т.КОЛТОН: Господин Черногорский из Словакии. Пожалуйста, Вам слово.

ЧЕРНОГОРСКИЙ: Я буду как будто продолжать вопрос Анджелы Стент, хотя мы не договорились. Господин Президент, условия, которые, Вы сказали, в связи с договором об утилизации плутония, по сути, являются наступательными условиями. Когда бы эти условия

были исполнены, это бы означало практически, что будут аннулированы все отступления России практически со времён Михаила Горбачёва. Меня интересует время. Как Вы оцениваете, когда бы такие условия могли быть исполнены или, скажу это по-другому, думаете, что Вы увидите исполнение этих условий ещё как Президент Российской Федерации?

В.ПУТИН: Условия, о которых Вы говорили сейчас и которые Вы назвали наступательными, они изложены на бумаге. Это Указ Президента Российской Федерации. Это бумажка.

А условия уничтожения оружейного плутония, которые нарушили Соединённые Штаты, – это очень серьёзный вопрос в сфере международной безопасности и обращения ядерных материалов. Это совершенно две разные категории. И мы вышли из этого договора, потому что Соединённые Штаты не выполняют взятых на себя обязательств. А об условиях того, как вести нам переговорный процесс по широкому кругу проблем, мы договоримся.

Т.КОЛТОН: Михаил Погребинский, пожалуйста, из Киева.

М.ПОГРЕБИНСКИЙ: Владимир Владимирович, возвращаюсь к вопросу, который был задан коллегой из Германии. Мне кажется, Вы не вполне ответили на него, а это важно, по моему.

Речь идёт о том, что, действительно, насколько мы понимаем, интерпретации результатов этого Берлина были разные в Киеве и в Москве. Во всяком случае, два слова скажу, что киевская интерпретация такая: главный успех Порошенко на этих переговорах – это то, что он убедил ООН и вообще участники переговоров убедили Вас в том, что Вы согласились на полицейскую миссию.

При этом в Киеве понимают эту полицейскую миссию как некую такую систему, которая будет с оружием обеспечивать безопасность до проведения выборов и после проведения выборов какое-то время. Информация из Москвы официальная была такая, что, в общем, не совсем так.

Можете внести какую-то ясность по этому поводу, чтобы было понятно?

В.ПУТИН: Я могу попросить Тарью или Хайнца, они очень хорошо знают, что такое ОБСЕ, как работает эта организация. Скажу Вам свою позицию по этому вопросу.

Президент Порошенко выступил с инициативой так называемой полицейской миссии во время проведения будущих возможных выборов в Донбассе, в Донецке и Луганске. Я единственный, кто его поддержал. Просто я не называю это полицейской миссией в силу того, что вообще все остальные участники процесса возражают, а возражают не потому, что не хотят помочь Петру Алексеевичу, а потому, что ОБСЕ никогда ничего подобного не делала, у неё нет такого опыта, нет людей, нет практики осуществления каких бы то ни было полицейских миссий.

И на сегодняшний день эта идея, выдвинутая Петром Алексеевичем Порошенко и поддержанная Вашим покорным слугой, она другими участниками этого процесса не поддерживается, но мы называем это не полицейской миссией, а возможностью тех, кто будет обеспечивать выборы и безопасность на выборах, находиться там с табельным стрелковым оружием. Те, кто против реализации этого предложения, указывают на то, что это может спровоцировать неизвестно кого на применение оружия против вооружённых людей.

Они считают, что сила наблюдателей ОБСЕ заключается не в том, что у них табельное оружие, а в том, что они как раз представляют общепризнанную мировую солидную международную организацию, и как раз они сами не вооружены, и применять против них силу и оружие – это абсолютно неприемлемо и будет восприниматься как самое неприемлемое поведение кого бы то ни было. И в этом их сила, а не в том, что у них будет пистолет.

Хотя, если Пётр Алексеевич считает, что это пошло бы на пользу, я лично его поддерживаю, но я единственный, кто это делает. Это странная ситуация, это единственное, где наши мнения совпадают. Но я уже об этом говорил неоднократно, и здесь нет никакой новизны, и в конечном итоге все согласились, что это возможно, но нужно это проработать, в том числе на площадке ОБСЕ. Не знаю, Тарья меня поправит, но, по-моему, в практике ОБСЕ никогда такого не было. Тарья, можно тебя спросить?

Т.ХАЛОНЕН: Да, должна честно сказать, что не могу припомнить таких случаев. Возможно, стоит спросить кого-то, у кого есть более актуальная информация, но я займусь этим вопросом.

Т.КОЛТОН: Представитель, пожалуйста, из Пекина.

ВОПРОС (как переведено): Бывший Президент Австрийской Республики господин Фишер сказал, что отношения между ЕС и Россией не такие, как 25 лет назад ожидалось, какими они будут. И, к сожалению, это сейчас имеет место, но нам нужно быть оптимистами тем не менее.

И хочу спросить господина Президента: с Вашей точки, почему это так происходит? И какие могут быть ожидания? Какие ожидания 25 лет назад были неверными или были неверными всё время? И с философской точки зрения какие уроки, как Вам кажется, следует извлечь для следующих 25 лет?

В.ПУТИН: Что было сделано правильно, а что неправильно? Ожидания были большие в связи с тем, что Советский Союз перешёл к политике открытости, в связи с тем что практически то, что считалось главным, что разделяло Советский Союз и потом Россию, и западный мир, исчезло – я имею в виду идеологические разногласия. И, откровенно говоря, у нас сначала и в Советском Союзе при Горбачёве, а дальше и в России все считали, что сейчас начнётся совершенно другая жизнь. Вот здесь один из наших экспертов правильно сказал: существуют вещи, как оказалось, гораздо более глубинные, чем даже идеологические противоречия, а это так называемые и национальные, и геополитические интересы.

Можно было бы сделать что-то по-другому? Да, можно. Я на прошлой встрече здесь, по-моему, в этом зале, говорил: был такой немецкий политик господин Рау, известный деятель Социал-демократической партии Германии, его уже нет среди нас, но он тогда вёл очень активную дискуссию с руководством Советского Союза. И он тогда говорил – у нас есть записи этих бесед, мы до сих пор никак не можем это опубликовать, но надо это сделать, – что в Европе должна быть создана новая система международной безопасности.

Помимо НАТО нужно создать ещё структуру, в которую входил бы и Советский Союз, и те страны, которые выходят из Варшавского договора, но с участием США, с тем чтобы была сбалансированная система. И дальше он продолжал, что если этого не будет сделано, в конечном итоге это будет приводить к тому, что вся эта система, созданная во времена

холодной войны, будет работать против Советского Союза. И он говорил, что это беспокоит меня только потому, что это будет разбалансировать всю систему международных отношений и вопросы безопасности в Европе будут подвергаться серьёзным испытаниям.

Как этот дед сказал, так и случилось. И тогда вот те люди, которые работали над преобразованиями в мире, одни не хотели ничего менять, им представлялось, что и так они на коне, а другие не имели политической воли, чтобы реализовать эти абсолютно правильные мысли очень мудрого и опытного немецкого политика.

Но я надеюсь, что всё-таки с изменением реального соотношения сил в мире будет меняться и политико-дипломатическое и нормативное сопровождение этих изменений в лучшую сторону. Мир будет более сбалансированным и многополярным.

Х.ФИШЕР: Могу добавить следующее, что 25 лет назад, в начале 90-х годов, в Европейском союзе было 12 членов. Швеция, Финляндия, Австрия присоединились лишь в 1994–1995 годах. Это была эпоха такого «медового месяца» между Россией и Европой, в частности между Россией и Германией, Россией и другими важными странами Европы. Это был период до экономического кризиса, когда темпы экономического роста были более высокими, перед введением евро. Введение евро – очень важная мера, но евро – это также проблематичный компонент, если вы посмотрите на ситуацию в Греции или в Италии. Такие факторы тоже следует принимать во внимание.

Спасибо.

Т.ХАЛОНЕН: Я также хотела бы добавить, что 25 лет назад Россия была другой, Европейский союз был другим. Я также была вовлечена в этот процесс. Думаю, что урок, который мы могли бы извлечь со стороны ЕС и со стороны Совета ЕС – это была очень хорошая возможность для расширения. Возможно, нам следовало бы больше вкладывать в процесс расширения, не только до процесса расширения, но и после процесса расширения. И, возможно, процесс проходил бы легче сегодня. Но, конечно, всегда времени не хватает. Мы не можем вернуться в прошлое, мы сейчас стараемся строить будущее дальше.

Т.КОЛТОН: Габор Штиер, пожалуйста.

Г.ШТИЕР: Мой вопрос Президенту Путину об Украине.

С приближением зимы обычно в последние годы часто говорим о том, что будет на Украине, что будет с безопасностью экспорта российского газа. Будет ли тепло в украинских квартирах? Будет ли Киев платить за газ? Откуда будет покупать? Мой вопрос следующий. Ведутся ли переговоры о поставке газа теперь в Украину? И говорили ли об этом с украинским Президентом в Берлине?

В.ПУТИН: У нас вызывает беспокойство то, что происходит сейчас с этой энергетической, очень важной составляющей на Украине. Потому что, по нашему мнению, по мнению наших специалистов, а они не хуже, чем на Украине, потому что это когда-то был единый комплекс, как известно, во времена Советского Союза, мы прекрасно себе отдаём отчёт в том, что там происходит. Для того чтобы обеспечить бесперебойные поставки в Европу, нужно закачать необходимый объём в подземные хранилища. Не для внутреннего потребления, а для обеспечения транзита. Вот в чём технологический смысл того, что было сделано ещё во времена Советского Союза.

Газа закачано мало, недостаточно. В принципе от 17 до 21 миллиарда должно быть закачано в подземное хранилище, закачано только, по-моему, четырнадцать, и более того, сейчас уже начался отбор оттуда. Это вызывает определённые опасения. Мы с Президентом Украины по его инициативе обсуждали вопрос с газоснабжением Украины. Он задал вопрос, может ли Россия возобновить поставки. Конечно, может в любую секунду. Для этого ничего не нужно.

У нас есть контракт, есть дополнение к нему. Нужно только одно – предоплата. И на тот объём денег, которые будут предоплачены, мы точно и гарантированно будем осуществлять поставки наших энергоносителей для потребителей Украины. Но сегодня цена для Украины, а мы договорились об этом раньше, мы сказали об этом раньше, ещё в прошлом году, будет не выше, хочу это подчеркнуть, не выше, чем у соседних государств, в частности для Польши.

Сейчас самой актуальной ценовой ситуации не знаю, но на момент нашего разговора Польша у нас по тем договорным обязательствам, которые есть и которые действуют, покупала газ где-то по 185, по 184 доллара за тысячу кубов. Украине мы могли бы продавать за 180. Я эту цену назвал – 180 долларов за 1 тысячу кубов. Но нам сказали, что лучше им покупать по реверсу, – пожалуйста. Это, правда, нарушение контрактов между «Газпромом» и его контрагентами в Западной Европе, но мы смотрим на это уже сквозь пальцы, с пониманием.

Если нравится больше по реверсу – пожалуйста, пусть по реверсу покупают, но, насколько мне известно, стоимость газа для конечного потребителя, для промышленных потребителей на Украине сегодня уже превышает 300 долларов за 1 тысячу кубов. Мы предлагаем продавать по 180, но у нас брать пока не хотят. У меня есть основания полагать, что посредники, которые участвуют в этих сделках, покупая по реверсу, видимо, близки сердцу некоторых руководителей в топливно-энергетическом комплексе на Украине. Флаг им в руки, пусть они работают, только главное, чтобы они обеспечили транзит в европейские страны.

Ф.ЛУКЬЯНОВ: Владимир Владимирович, в развитие темы, которую Вы и в речи затронули, и потом немножко звучала. Мы все читаем газеты, ведущие мировые журналы, обложки смотрим, тоже очень красивые бывают, наверное, и Вы тоже видите что-то из этого. Вам приятно чувствовать себя самым опасным и самым могущественным человеком в мире? Это вообще высокая очень оценка ведь.

В.ПУТИН: Вы знаете, мне, конечно, приятно с вами беседовать сегодня, не скрою, и я люблю это дело. Но гораздо более важным считаю прохождение бюджета Российской Федерации через российский парламент, с тем чтобы нам обеспечить воздействие бюджета на решение самых главных вопросов, перед которыми стоит страна. А именно: обеспечение темпов устойчивого роста, необходимых для нашей экономики, решение социальных задач. У нас их огромное количество. Слава богу, нам удаётся сейчас сдерживать инфляцию, которая у нас будет в этом году, надеюсь, все эксперты так говорят, ниже шести процентов. У нас дефицит бюджета, надеюсь, не превысит заданных величин, где-то три процента.

Как вы знаете, у нас кардинальным образом, в разы, уменьшился отток капитала. Разные есть причины на этот счёт, они есть разные, но реально уменьшился этот отток. У нас много нерешённых проблем, перед которыми стоит страна. И только от решения этих проблем, прежде всего в сфере экономики, социальной сфере, зависит внутренняя политическая стабильность и вес России в мире. Вот я о чём думаю, а не о каком-то мифическом могуществе.

Т.КОЛТОН: Мы работаем уже два с половиной часа. Мне как модератору надо Вам задать вопрос. Сколько у Вас остаётся резерва времени и терпения? Ваше решение.

В.ПУТИН: Я пришёл сюда, чтобы пообщаться с аудиторией. Вы здесь руководите процессом...

Т.КОЛТОН: Я местный президент, можно сказать.

В.ПУТИН: Я готов подчиниться тому регламенту, который Вы здесь будете продвигать. Пожалуйста.

Т.КОЛТОН: Давайте, работаем ещё полчаса. Он готов. Хорошо.

В таком случае у меня ещё список желающих задать вопросы. Я попытаюсь внести в него обновления.

Следующий выступающий Юрий Слёзкин, Калифорния.

Ю.СЛЁЗКИН: Как Вы думаете, какие темы будут главными в главе «Путинская эпоха» в будущих учебниках русской истории? То есть эти учебники уже пишутся, эти главы уже некоторые начинают писать. Некоторые называют Вас строителем государства, преобразователем, централизатором и сравнивают с Екатериной, Петром и другими.

Некоторые считают Вас по большей части консерватором и охранителем. Некоторые делят Ваше правление на два периода: первый – строительство и укрепление государства, и второй период – реакции. И в этом смысле сравнивают Вас со Сталиным и Иваном Грозным среди прочих. Как Вы себе представляете эту главу будущего учебника?

И если я могу ещё задать вопрос, имеющий к первому вопросу отношение: о ком и о чём, по-Вашему, будет следующая глава? Потому что у нас тут два дня назад Вячеслав Володин повторил своё утверждение двухлетней давности о том, что нет Путина – нет России. И это, мне кажется, подчёркивает важность одного из основных вопросов любой политической системы – вопроса о механизме наследования власти, механизме преемственности. О механизме, который в русской истории очень редко работал гладко и предсказуемо. Что, по-Вашему, нужно сделать, чтобы следующая глава в нашем учебнике русской истории не называлась «Смутное время»?

В.ПУТИН: На Екатерину я точно не похож по гендерному признаку.

Что касается того главного, о чём, мне кажется, будет интересно узнать будущим исследователям русской истории: главное заключается в том, как нам удалось добиться сплочённости российского общества и русского народа, объединить всех вокруг решения общенациональной задачи. А позволю себе вернуться в ещё советскую историографию и всё-таки подчеркнуть, что при всей важности личности в истории всё-таки реальным творцом являются сами люди, сами граждане страны.

А на Ваш вопрос о том, в отношении кого и в отношении чего можно будет писать следующую главу, на это тоже ответят люди, в отношении того, кого они выберут, и в отношении того, что эти люди вместе с будущим руководством страны сделают.

ВОПРОС: Добрый день! Вашингтонское отделение Международного института стратегических исследований. У меня три конкретных нефилософских вопроса.

В.ПУТИН: Вы шпион?

РЕПЛИКА: Нет. (Смех.)

В.ПУТИН: А кто же тогда?

РЕПЛИКА: Учёный.

В.ПУТИН: Нет, я здесь ничего плохого не вижу. Ладно, потом я расскажу историю про одного крупного очень известного политического деятеля в США, которого я очень уважаю и очень люблю. У нас с ним был такой интересный разговор на этот счёт.

Пожалуйста, извините.

ВОПРОС: У меня вопрос по поводу договора об РСМД. Сейчас он испытывает большие трудности, как Вы знаете; есть много громких взаимных обвинений и так далее. И в этом контексте очень важно понимать общий подход России к этому договору. Есть ли ценность для России в этом договоре – если да, то какая? И вообще стоит ли этот договор сохранить?

В.ПУТИН: Он представил бы очень большую ценность для нас, если бы нашему с Соединёнными Штатами примеру последовали другие страны. Ведь что получилось: наивное бывшее российское руководство пошло на то, чтобы ликвидировать ракеты средней дальности наземного базирования. Американцы ликвидировали «Першинги», мы – ракеты СС-20, их порезали. Была в этой связи известная трагедия, которая связана с тем, что главный конструктор этих систем покончил жизнь самоубийством, посчитал, что это предательство национальных интересов и одностороннее разоружение.

Почему одностороннее? А потому что по этому соглашению мы наземный комплекс порезали, но это соглашение не затронуло ракет средней дальности, расположенных на море и в воздухе. Воздушного и морского базирования (это соглашение ракетно-воздушного и морского базирования) это соглашение не коснулось. У Советского Союза их просто не было, а Соединённые Штаты их оставили на вооружении.

Но получилась явная диспропорция: Соединённые Штаты оказались вооружены ракетами средней дальности – какая разница, они на море находятся, в воздухе тем более или на суше; а Советский Союз просто лишил себя этого вида оружия. Тем более что соседние наши государства – вот в Штатах никто из соседей Соединённых Штатов такое оружие не производят: ни Канада, ни Мексика, а у нас соседние страны почти всё производят: и страны на востоке наших границ, и на Ближнем Востоке, и так далее – кругом. Поэтому для нас это особое испытание, но тем не менее мы считаем необходимым соблюдать это соглашение. Тем более, как вы знаете, у нас тоже сейчас появилось такое же оружие – ракета средней дальности морского и воздушного базирования.

Т.КОЛТОН: Я передаю слово господину Тайсу Кею, Токио.

ТАЙС КЕЙ: Токийский фонд, Япония. Наконец-то в сентябре объявлена дата Вашего визита в Японию: это 15 декабря. И сейчас идут интенсивные переговоры о подготовке к этому. Уверен, что ваш визит окажет большой толчок к укреплению отношений между Японией и Россией.

В связи с этим у меня такой вопрос. Накануне Вашей встречи с Премьер-министром Абэ во Владивостоке Вы дали интервью, что нынешнего состояния атмосферы между Японией и Россией недостаточно для подписания мирного договора. У меня такой вопрос: Вы сохраняете такую же оценку сейчас? И если это так, то насколько реалистично ожидать

создания атмосферы, которая позволит Японии и России подписать мировой договор в ближайшем будущем – я имею в виду в течение двух, трёх, четырёх лет?

В.ПУТИН: Вы знаете, это тот случай, где, на мой взгляд, нельзя, невозможно и даже вредно определять какие-то сроки. Скажем, мы с Китайской Народной Республикой вели переговоры по территориальным вопросам на границе в течение 40 лет. И мы договорились окончательно и подписали соответствующее соглашение, в том числе, а может быть, прежде всего потому, что мы с Китаем достигли беспрецедентного уровня сотрудничества, который мы называем больше, чем стратегическим партнёрством – привилегированное стратегическое партнёрство. Так и есть, очень большая степень доверия. И конечно, к сожалению, наши отношения с Японией такого качества ещё не достигли. Но это не значит, что мы не можем этого сделать. Более того, на мой взгляд, и Япония, и Россия заинтересованы в окончательном урегулировании вообще всех вопросов, потому что это соответствует нашим взаимным национальным интересам. Мы этого хотим, мы к этому стремимся.

Когда это будет сделано, как это будет сделано и будет ли сделано вообще, я сейчас ответить не могу. Это вопрос, который мы должны решать вместе, и опираясь на то, что уже было достигнуто в прежние времена, и, конечно, главным образом посматривая в будущее. Я очень рассчитываю, что наши МИДы, наши эксперты внесут в это достойный вклад, и мы сможем на это опереться.

О.МОСКАТЕЛЛИ: Вице-министр иностранных дел Богданов нам сказал, что если Ливия или Ирак попросят помощь России против терроризма, Вы будете принимать это серьёзно во внимание. Скажите нам, пожалуйста, на самом деле возможна новая практически военная российская интервенция на Ближнем Востоке, и думаете ли Вы, что это могло бы помочь разрешить проблемы в регионе или наоборот?

В.ПУТИН: А что вы понимаете под словом «интервенция»? Это незаконное или законное участие, что?

О.МОСКАТЕЛЛИ: Помощь против терроризма – значит, либо нанести удар... Я не знаю, как Вы на это смотрите, но если принимать серьёзно во внимание, значит, какая-то, может быть, интервенция, это неправильное слово, но акция военная точно.

В.ПУТИН: Я понял. Нет, мы ничего подобного нигде не планируем.

К.ЗАТУЛИН: Владимир Владимирович, на дискуссии, которая у нас была здесь по Сирии, я задал вопрос Клиффорду Капчану, на который он не ответил. Я сказал о том, что мы пришли в Ближний Восток, в Сирию в том числе для того, чтобы помочь в чувствительном для Запада вопросе борьбы с терроризмом, но сейчас наблюдаем двойные стандарты, когда дело касается операции в Алеппо и операции в Мосуле.

И вопрос мой заключался в том, достигли бы мы победы во Второй мировой войне, если бы всё время любые действия на советско-германском фронте сопровождались бы обвинениями в том, что мы неправильно воюем, со стороны наших союзников, а в свою очередь мы бы обвиняли их в том, что они неправильно воюют на Тихом океане. Вопрос о двойных стандартах, и даже не связанный с Мосулом и Алеппо – с другой территорией. В Сирии нас убеждают, что надо иметь в виду всегда точку зрения оппозиции: она уважаемая, её приглашают в Лозанну, в Женеву и так далее.

Когда дело касается переговоров по Украине, то мы ведём переговоры в формате «нормандской четвёрки», но официально в переговорах никогда не участвуют ДНР и ЛНР. Это непризнанные государства, но это сторона конфликта. Почему она не признаётся стороной конфликта? Это то, что происходит в Приднестровье, то, что было в Абхазии, в Осетии и так далее. Можно ли этого добиться и нужно ли?

В.ПУТИН: Это даже не вопрос – это констатация печального факта, согласно которому нарушаются вообще принципы урегулирования конфликтов, когда, конечно, должны непосредственное участие в выработке решений принимать конфликтующие стороны. Первое.

И, второе, это нарушение самих договорённостей в Минске, потому что там предусмотрено, что напрямую диалог будет. Ведь Минские соглашения подписаны как раз представителями Донецкой и Луганской народных республик. Украинская сторона настаивала на том, чтобы там стояли подписи руководителей этих республик. Мы эти подписи получили, а теперь с ними отказываются разговаривать. Даже логики в этом нет никакой. Это, конечно, контрпродуктивно. Вот и всё, вот и весь комментарий.

Давайте мы всё-таки дадим слово нашим иностранным друзьям. Попрошу наших российских коллег не обижаться, всё-таки наши гости приехали издалека, давайте им дадим слово. Пожалуйста.

ВОПРОС (как переведено): Для меня большая честь быть приглашённым сюда уже шестой раз подряд. У меня очень простой вопрос. Все мы представляем разные страны мира, у нас разное мнение насчёт того, что Вы делаете, у нас разное мнение насчёт внешней политики России. Но Вы приезжаете сюда для глубоких обсуждений с нами, Вы проводите с нами большое количество времени. Мы знаем, что у Вас очень плотное расписание, Вы один из самых занятых, наверное, людей. Поэтому мой вопрос: зачем Вы сюда приезжаете, зачем Вы с нами разговариваете? Я знаю, что Вы единственный лидер, который таким образом обменивается мнением с представителями интеллектуальной элиты со всего мира. В чём выгода лично для Вас? Как Вы можете содействовать национальным интересам России здесь и за пределами?

В.ПУТИН: Две задачи. Первая – послушать умных людей, экспертов. Мне реально интересно ваше мнение, это полезно и для меня, и для моих коллег. И второе – донести до вас и через вас нашу точку зрения из первых уст. Вот и всё. Я считаю, что это важно.

Пожалуйста.

ВОПРОС (как переведено): Спасибо, господин Президент.

Мне неважно, зачем Вы здесь, но я очень благодарна Вам, что Вы здесь. Думаю, для нас большая честь, что Вы здесь присутствуете.

Мой вопрос касается отношений с США. Критика США в Вашем выступлении была гораздо менее резкой, чем несколько лет назад, но я не думаю, что кто-либо здесь был бы удивлён тому, что большая часть критики была направлена на США.

Когда я слушала Ваше выступление о выборах в США, о нашем поведении, я не могла не думать о заголовке в США, когда будет опубликована запись наших обсуждений. Хочу Вам рассказать о тех заметках, которые я сделала.

Люди в Америке говорят: действительно ли российский лидер верит, что описание американского политического процесса, которое он представил, выдвигается для того, чтобы противодействовать критике, звучащей в Америке, в отношении российского политического процесса, или же это возврат к чему-то тому, что, на Ваш взгляд, являлось нашей системой, но на самом деле не является? В этом заключается мой вопрос, поскольку Ваше описание нашего избирательного процесса звучит действительно так же, как наше описание вашего избирательного процесса. Это первый вопрос.

Второй вопрос. Описание нарушений международного права, например, в Белграде, звучит точно так же, как наше описание того, что произошло в Крыму. Поэтому хотела бы задать Вам следующий вопрос. Наш диалог с обеих сторон – способствуют ли ему такие описания, которые звучат и с российского телевидения, и с американского телевидения?

У нас есть такое выражение, что, если вы в яме, единственный способ выбраться оттуда – перестать копать эту яму. И поэтому такие односторонние шаги, шаги в отношениях с другими странами, – есть ли какие-то шаги, которые могли бы быть предприняты, чтобы порвать этот порочный круг, который заключается в том, что мы описываем друг друга таким образом, что не способствуем развитию наших отношений? Мне кажется, без этого перспективы наших отношений, наверное, не очень-то и светлые.

В.ПУТИН: Да, конечно. Я согласен с Вами в том, что нужно, безусловно, предпринять хотя бы попытку прервать этот порочный круг. Но не мы его начали чертить, этот круг. Мы-то, наоборот, открылись полностью в середине 1990-х годов.

Мы ожидали, что это будет равноправный диалог, что будут учитываться наши интересы, мы сможем дискутировать, в чём-то идти навстречу друг другу. Но нельзя же решать все вопросы в одностороннем порядке, и всё. И любой ценой добиваться своих целей.

Вот Вы привели пример бомбардировок, скажем, бывшей Югославии, Белграда и Крыма. Спасибо Вам за такой пример, просто замечательный пример. Бомбардировки Белграда – вот это и есть интервенция в обход норм и правил международного права. Разве Совет Безопасности ООН принимал решение о военной интервенции в Югославии? Нет. Соединённые Штаты сделали это в одностороннем порядке.

Вы сейчас мне скажете, Вы сказали: в Крыму. А что в Крыму? Что Вы сделали в Югославии и потом отделили от неё часть государств, в том числе и Косово, а потом от Сербии. В Косово парламент проголосовал после военных действий интервенции, после многочисленных жертв. И всё, решение принято, и все с этим согласились.

В Крыму не было никакой войны. Не было никаких бомбовых ударов, военных действий, жертв нет, вообще ни один человек не погиб. Единственное, что мы сделали, – обеспечили право народа на волеизъявление в полном соответствии, кстати говоря, с уставом Организации Объединённых Наций. И слово в слово почти всё то же самое сделали, что вы сделали по Косово, только чуть больше.

В Косово парламент принял решение об отделении, а здесь люди пришли на референдум и на референдуме сказали своё мнение. А затем парламент это решение парафировал и уже как независимое государство обратился в Россию с целью воссоединения.

Конечно, можно сколько угодно пикироваться, но этот порочный круг надо прервать. Я много раз говорил об этом, хочу ещё раз сказать. Югославия, потом Ирак, я же вам говорил, потом

Ливия, Афганистан, движение НАТО – это что? А потом каждый раз что-то забывается, выбрасывается, нас на что-то провоцируют, на какие-то действия по защите своих интересов, а потом говорят: вот злобная Россия предпринимает такие-то и такие-то шаги. Так вы нас не провоцируйте на это, не провоцируйте нас на активную защиту своих интересов. Давайте мы с вами будем договариваться о чём-то. Договориться же ни о чём невозможно. А о чём договариваемся – не выполняется.

Мне очень хотелось бы, чтобы с новой администрацией у нас сложились другие отношения – отношения партнёрства и учёта взаимных интересов.

О.АНТОНЕНКО: Владимир Владимирович, если позволите, небольшую ремарку и потом вопрос. Ремарка такая: Вы в ответе на вопрос Фёдора Лукьянова сказали, что для Вас более важным является то, что происходит в России: принятие бюджета, реформы, – чем внешняя политика; поэтому она касается именно этого – того, что происходит в России.

Мы с Всемирным банком проводим каждые пять лет опросы во всех странах переходной экономики и странах бывшего Советского Союза, и в Восточной Европе, теперь в Турции и на Ближнем Востоке. И последний опрос только что закончился, и в том числе там был вопрос о том, как люди воспринимают своё положение.

И очень интересные данные по России. 30 процентов людей с самым низким доходом в России: их отношение к своей жизни за последние пять лет никоим образом не уменьшилось – наоборот, в чём-то немного увеличилась. Это несмотря на инфляцию, несмотря на падение реального дохода, несмотря на всё, что произошло за последние три года. Но зато у тех людей, которые представляют 30 процентов наибольшего дохода, падение почти 30 процентов. Это самое большое среди всех стран переходного периода. Интересные данные.

Как Вам кажется, Вы не сказали ещё, собираетесь ли Вы баллотироваться в 2018 году, но, если Вы всё-таки собираетесь, как Вы хотите этой категории людей доказать, что Вы отвечаете их интересам? И не кажется ли Вам, что у них есть запрос, вот то, что Алексей Леонидович Кудрин называл, – на снижение геополитической напряжённости, во-первых; во-вторых, на проведение реформ и, в третьих, борьбу с коррупцией.

В.ПУТИН: У нас у всех есть запрос на снижение геополитической напряжённости, только не способом наших похорон. Если плата за то, чтобы снизить геополитическую напряжённость, – наши похороны, то нас никого это не устроит, в том числе и тех, кто проявляет сомнение по поводу эффективности работы действующей власти, или тех, кто хотел бы серьёзных перемен. Таких немало в стране.

По поводу того, о чём Вы сказали, что большинство всё-таки удовлетворено своим положением. Думаю, что это связано с тем, что у нас всё-таки на минимальном уровне находится уровень безработицы: он меньше 6 процентов. Если в некоторых европейских странах за 25 зашкаливает, в странах Евросоюза, и больше – у нас в среднем меньше шести. У нас есть свои проблемы, особенно на Кавказе, там с занятостью есть проблема. Это первое.

Второе. Мы всё-таки стремимся к исполнению своих социальных обязательств, и люди видят это, видят, что, с одной стороны, есть проблемы, но с другой стороны – государство делает всё для того, чтобы обеспечить их интересы. Мы проводим очень взвешенную социальную политику и при этом обеспечиваем макроэкономическую стабильность. Это основа того, что

и такой активный слой населения, активный класс, особенно предпринимательское сообщество, может иметь перспективы улучшения ситуации.

Мы сейчас говорили, Вы говорили о геополитической напряжённости. Так мы разве в этом заинтересованы? Нельзя же добиваться от нас того, чего кто-то хочет, исключительно, хочу это подчеркнуть – исключительно за счёт наших национальных интересов. Всё же к этому сводится. Диалога нет, понимаете, в чём дело. Формулируют позицию, объявляют её правильной, и вся дискуссия сводится к тому, как быстро мы согласимся с этой позицией. Вот и всё. Но разве такая работа возможна? Почти по любому вопросу. А там, где-то чего-то обещают, – не выполняют, но делают вид, что не заметили, и дальше пошли.

Вы представляете очень солидный финансовый институт, у нас хорошая предыстория отношений. Почему Вы пошли на поводу у политиков и свернули проекты в России? Это Вам вопрос. Он ведь создавался не для этого, не для того, чтобы усугублять геополитическую напряжённость, а чтобы, наоборот, сглаживать. Но даже такие институты используют для других целей. Это печально, это же не мы придумали.

В отношении этих ограничений – никому не нравится; это, конечно, вызывает наши озабоченности, это мешает нашему развитию, но мне кажется, я уже об этом говорил, что, даже если бы не было этих проблем, связанных с Украиной, с юго-востоком, с Крымом, с Сирией, всё равно нашли бы что-нибудь другое для сдерживания России. Потому что не нравится наша независимая позиция по ряду вопросов – надо поднажать, надо заставить, надо мобилизовать ресурсы. Что-то не сделали наши американские партнёры по сирийской проблеме (им даже неудобно, они же знают, что они не сделали, договорённости не использовали) – раз, подсылают европейцев, давайте поднажмём с другой стороны. Это не способ решения проблем.

Вот эти ограничения. Некоторые западные эксперты считают, что где-то у нас серьёзные потери. Я думаю, что это преувеличение. Да, Вы согласны со мной, я понимаю. Считают, 0,5 процента ВВП. Я думаю, что это не так.

Сами европейские страны потеряли экспорт в Россию в объёме почти 60 миллиардов долларов или евро, не помню, где-то 58 с чем-то. Вот недополученная выгода от реального нормального сотрудничества. У нас-то потери в основном связаны с падением цен на нефть, потом к ним привязаны цены на газ, а к этому привязаны цены на производство химических продуктов, удобрений, нефтехимии и так далее, и так далее. Там целая цепочка возникает. Поэтому прежде всего вот это на нас действует.

Хотя финансовые ограничения тоже вредны, они вызывают определённую нервозность у инвесторов. Это и не нравится тем 30 процентам, о которых Вы сказали. И мне не нравится. А кому может понравиться? Мы будем работать над тем, чтобы этого не было. Надо только, чтобы это была дорога с двусторонним движением.

Пожалуйста.

А.ОСТРОВСКИЙ: Господин Президент, за последние 15 лет Россия очень сильно продвинулась в смысле экономики. Её экономика выросла с 1 триллиона до 3,5 триллиона рублей, и Россия стала страной с доходом выше среднего. Появился очень мощный, экономически мощный средний класс и выросло первое постсоветское поколение: те, кому сегодня 25, родились в том самом 1991 году. Некоторых из них мы видели на протестах в

Москве в 2011–2012 годах. Считаете ли Вы, что для дальнейшего успешного развития российской экономики нужна смена политической и экономической модели в стране? Это первый вопрос.

И второй вопрос. На Западе огромную озабоченность вызывает всё, что касается, естественно, ядерного оружия. И, когда по российским государственным каналам звучат слова о том, что Америку можно превратить в ядерный пепел (которые не звучали даже в советское время), считаете ли Вы использование самой риторики, касающейся ядерного вооружения, приемлемой?

В.ПУТИН: Первое, что касается перемен: перемены всегда нужны, без этого наступает стагнация, – вопрос, каким способом осуществляются эти перемены. Или революционным, и это, как правило, наносит только вред. И я считаю, что часть людей, которых Вы сейчас упомянули, – иных уж нет, как у нас говорят, а те далече, – даже если предположить, что они хотели лучшего, способ достижения этих целей неправильный и вредный. Нужен эволюционный процесс. И я очень рассчитываю на то, что мы и будем двигаться этим способом, эволюционным.

Сейчас не буду вдаваться в детали, у нас просто уже формат не позволяет, но мы над этим думаем. У нас и Центр стратегических разработок функционирует, и мы привлекаем экспертов самых разных. Думаем на тему о том, как мы будем развиваться и до президентских выборов, и после 2018 года.

И по поводу атомного оружия. Бряцать атомным оружием – самое последнее дело. Это вредная риторика, и я её не приветствую. Но надо исходить из реалий, исходить из того, что ядерное оружие является фактором сдерживания и фактором обеспечения мира и безопасности во всём мире. Нельзя его рассматривать как фактор какой бы то ни было потенциальной агрессии, потому что это невозможно, это означает конец вообще существования всей нашей цивилизации, наверное.

Но как фактор сдерживания, это совершенно очевидная вещь, имеет место быть, и многие эксперты считают, что если мир не знал крупных вооружённых конфликтов 70 лет с лишним после окончания Второй мировой войны, то это в том числе благодаря наличию у ведущих стран мира ядерного оружия. Важно только, чтобы соблюдались режимы нераспространения, касающиеся самого ядерного оружия, средств доставки и чтобы все ядерные державы относились очень ответственно к своему ядерному статусу. Россия будет придерживаться именно таких подходов, несмотря ни на какие заявления, которые в ходе полемики, конечно, наверное, могут где-то звучать. Но, повторяю, на государственном уровне Россия всегда к своему ядерному статусу будет относиться очень ответственно.

Кстати говоря, Вы дали мне повод для того, чтобы сказать о том, что, когда наши американские партнёры в одностороннем порядке вышли из Договора по противоракетной обороне (напомню, что я сейчас скажу, это очень важно), мы сказали, что поскольку мы сейчас не готовы развивать такие системы, они неизвестно как будут работать, насколько они эффективны, но это вынуждает нас совершенствовать ударный системный комплекс. На что нам наши американские друзья ответили: «Делайте что хотите, потому что система ПРО, которую мы будем делать, не против вас, а мы будем исходить из того, что то, что вы делаете по ударным комплексам, – не против нас». Я сказал: «Хорошо, пошло». И мы работаем. Но таким образом всё-таки, хотят этого или не хотят, но подтолкнули в известной степени гонку

вооружений даже в этой сфере. Повторяю, главное, чтобы все относились к этому очень ответственно. Россия будет это делать.

Т.КОЛТОН: Мы уже переступили через 3-часовой порог, и думаю, что наши четыре панелиста, конечно, здесь участвовали все, но господин Путин, наверно, поработал больше остальных. Хочу поблагодарить всех за вопросы, за работу. Уверен, что вопросов ещё осталось очень много, но это обсуждение было очень полезным.

Большое всем спасибо.

В.ПУТИН: Я хочу тоже всех поблагодарить, большое спасибо, и всех моих коллег – за терпение, за участие. Благодарю вас.